

«Свет видимый»:
Лейденская
рукопись среди
русских переводов
*Orbis Pictus**

“The Visible World”:
The Leiden
Manuscript and Its
Place Among the
Russian Translations
of *Orbis Pictus*

† **Виталий Григорьевич
Безрогов**

Институт стратегии развития
образования РАО,
Москва, Россия

† **Vitaly G. Bezrogov**

Russian Academy of Education,
Institute for Strategy of Education
Development,
Moscow, Russia

Ольга Евгеньевна Кошелева

Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

Olga E. Kosheleva

Russian Academy of Science,
Institute of World History,
Moscow, Russia

**Екатерина Юрьевна
Ромашина**

Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия

Ekaterina Yu. Romashina

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical
University,
Tula, Russia

* Данное исследование было начато В. Г. Безрозовым (16.09.1959–14.11.2019)
при поддержке Scaliger Institute Visiting Fellows Programme Лейденского

Цитирование: *Безрогов В. Г., Кошелева О. Е., Ромашина Е. Ю.* «Свет видимый»: Лейденская рукопись
среди русских переводов *Orbis Pictus* // *Slovëne*. 2021. Vol. 10, № 2. С. 124–162.

Citation: *Bezrogov V. G., Kosheleva O. E., Romashina E. Yu.* (2021) “The Visible World”: The Leiden
Manuscript and Its Place among the Translations of *Orbis Pictus*. *Slovëne*, Vol. 10, № 2, p. 124–162.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.2.6

Резюме

Статья посвящена хранящейся в Лейдене рукописи — памятнику русско-немецкого языкового, культурного, педагогического трансфера. Манускрипт состоит из трех частей и содержит «лингвистическое» введение, полный текст *Orbis Pictus* Я. Коменского на двух языках и немецко-русский словарь. Авторы систематизировали результаты изучения рукописи зарубежными славистами, выдвинули и обосновали собственные предположения о ее происхождении. На основе палеографического и текстологического анализа лейденской рукописи было определено ее место в ряду других рукописных списков русского перевода *Orbis Pictus*.

Ключевые слова

Ян Амос Коменский, «Свет видимый», Э. Глюк, И. Паус, история учебника, немецко-русский словарь, русско-немецкий культурный трансфер

Abstract

The article focusses on the manuscript stored in Leiden as a witness of Russian-German linguistic, cultural, and pedagogical transfer. The manuscript consists of three parts and contains a “linguistic” introduction, the full text of the *Orbis Pictus* by Jan Comenius in two languages, and a German-Russian dictionary. The authors systematized the results of previous studies of the manuscript by foreign Slavists, put forward and substantiated their own assumptions about its origin. Based on paleographic and textological analysis of the Leiden manuscript, its place among other manuscript copies of the Russian translation of *Orbis Pictus* was determined.

Keywords

Jan Amos Comenius, *Orbis Sensualium Pictus*, E. Glück, J. Paus, textbook history, German-Russian vocabulary, German-Russian cultural transfer

университета (Нидерланды). Осенью 2019 г. рукопись была изучена *de visu*, составлены черновые заметки аналитического характера. К несчастью, завершить работу Виталию Григорьевичу не удалось. В память об ученом рукопись была оцифрована университетской библиотекой г. Лейдена и теперь доступна исследователям: *LTK 584* (<http://hdl.handle.net/1887.1/item:2223648>). Мы чрезвычайно признательны сотрудникам библиотеки и лично директору господину Курту де Бельдеру (Kurt De Belder): благодаря их бескорыстной и высокопрофессиональной помощи завершение работы оказалось возможным. Ее финальные выводы — равно как и недостатки — безусловно, на нашей совести (Ольга Кошелева, Екатерина Ромашина).

Уходя, оставить Свет —
Это больше, чем остаться.

Петр Вегин

Controversia, или Изучение Лейденской рукописи

Лейденская рукопись не была обделена вниманием исследователей. За 50 лет знакомства с нею европейским научным сообществом закономерно были сформулированы вопросы, *когда, кем и с какой целью* она была создана, но полученные ответы оказались столь разными, что к настоящему моменту они уже потребовали специальной систематизации, переосмысления и подведения определенных итогов. Настоящее исследование — это *первое* обращение к данному тексту историков образования и носителей русского языка, что определило особенности нашей «оптики взгляда» и методологии анализа.

Несмотря на многочисленность трудов, посвященных наследию Яна Амоса Коменского (*Jan Amos Komenský*, 1592–1670), в педагогической научной сфере Лейденская рукопись до недавнего времени оставалась неизвестной [Ян Амос Коменский 1995]. Наиболее авторитетный исследователь переводов Яна Коменского на русский язык — чешский историк педагогики А. А. Чума — не был с ней знаком, поскольку изначально Лейденская рукопись попала в поле зрения не педагогов, а славистов-лексикографов.

Впервые она была представлена ученому сообществу в докладе голландца Тона ван ден Баара (*Ton van den Baar*) на съезде славистов в Праге в 1968 г. Именно он определил путь, которым рукопись *Ms.LTK 584* попала в Лейден: она входила в обширную библиотеку, собранную юристом из Гааги, членом Нидерландского Литературного общества по имени J. C. W. LeJeune (*Лежен*) (1775–1864). В 1842 г. он начал продавать свои книги на аукционе, среди них была рукопись, которую приобрела библиотека Лейденского университета [Van den Baar 1968: 13]. Ван ден Баар подробно описал рукопись с палеографической точки зрения [Ibid.:13–14]. Вместе с тем исследователь счел рассматриваемый текст очень странным: он не являлся ни русско-немецким словарем, ни разговорником, но содержал элементы и того, и другого. По его мнению, составляли рукопись немцы, судя по характерным фонетическим и грамматическим ошибкам, плохо знавшие русский язык (автор определил наличие двух писцов, писавших и по-русски, и по-немецки). Характеризуя язык рукописи, Тон ван ден Баар отметил множество противоречий. Писцы работали небрежно — так, как привыкли составлять и копировать документы: наскоро, не прописывая четко окончания слов, используя скорописную графику письма [Ibid.]. При этом он с удивле-

нием отметил чрезвычайное богатство лексики, включавшей рубрики от самых высоких, богословских, до узкоспециальных и самых низких, которые не принято упоминать в литературном тексте, а также подбор очень точных аналогов для реалий, не имевших эквивалентов в Московии. Немецкий перевод неверно передавал значение русских слов, но верно относил их к тематическому «кусту понятий». Приводя примеры того, как происходила путаница паронимов (например, *кролик* и *королек*), Тон ван ден Баар сам иногда впадал в заблуждение: слово *грамотушка*, верно переведенное в рукописи как *Spielzeug*, он счел ошибкой: под *грамотушкой* якобы следовало понимать искаженное *грамотка* [Ibid.: 25]. Однако *грамотка* явно противоречит контексту, в котором речь идет о младенце, держащем данный предмет в руках. Слово *грамотушка* в значении *погремушка* существовало — его фиксирует Словарь русского языка XVIII в. [Словарь 1989: 245], оно написано в рукописи верно. В итоге наблюдений над «странным языком» рукописи голландский исследователь пришел к выводу, что немецкий автор, поверхностно знакомый с русской речью, запоминал услышанные им слова, затем, некоторое время спустя, записывал их и переводил; он придумал такой необычный способ подачи собранного им лексического материала, чтобы закамouflировать не очень литературную запись просторечного языка. Для русской лексикографии такой маловразумительный текст, считал он, совершенно не представляет интереса, но должен привлечь внимание германистов как пример немецкого разговорного языка [Van den Baar 1968: 28]. В заключении статьи были приведены названия всех 150 глав *Orbis Pictus*.

Статья Баара говорит о том, что к 60-м гг. XX в. общеизвестность в Европе учебников Яна Амоса Коменского ушла в прошлое. Если бы исследователь распознал в рукописи *Orbis Pictus*, все его недоумения исчезли бы, однако этого не произошло. Его последователь в изучении Лейденской рукописи немец Харм Клютинг (*Harm Klueting*) продолжил развитие тех же ошибочных идей. Полный текст манускрипта стал доступен широкому читателю в 1978 г.: Х. Клютинг проанализировал рукопись, опубликовал факсимиле нескольких листов и ее полностью затранскрибированный текст, а также дал подробное палеографическое описание (бумага, филиграния, почерки) [Klueting 1978]. Хотя Клютинг уделил некоторое внимание особенностям языка рукописи, своей главной задачей он видел ее атрибуцию, т. е. поиск автора и идентификацию того человека, чье имя (Х. Г. Вольф) было помещено на первую страницу вместе с датой 10 ноября 1731 г. Клютинг склонялся к тому, что Вольф — скорее владелец, чем автор манускрипта, возможно, он — ученик, начавший занятия в тот ноябрьский день. Исследователь писал:

Для меня было важнее — помимо доказательства оригинальности частей рукописи и более поздних вставок — разъяснение проблемы надписи на лицевой внутренней стороне обложки и, прежде всего, определение цели разговорного словаря, поставленной неизвестным лексикографом. Я вижу в этом тексте учебник немецкого языка для русских [Ibid.: VII].

Клютинг, как и Тон ван ден Баар, полагал, что перед ним оригинальное сочинение неизвестного автора. Но стоило публикации немецкого исследователя выйти из печати, как на нее сразу откликнулись рецензенты-слависты, все мнения которых мы рассмотрим ниже, и указали, что искомый им автор давно известен: это Ян Амос Коменский, а текст представляет собой список с учебника *Orbis Sensualium Pictus*. Однако ошибка Клютинга привела к положительным последствиям: если бы он знал, что у него в руках знаменитый текст Коменского, вряд ли он стал бы его издавать, а благодаря его заблуждению появилась первая публикация русского рукописного перевода данного сочинения. И вот этот факт слависты оценили весьма высоко: сразу же был поставлен вопрос атрибуции не автора, но переводчика данного текста.

Норвежская исследовательница Сири Свердруп Лунден (*Siri Sverdrup Lunden*) отмечала, что первый перевод *Orbis Pictus* на русский язык, сделанный пастором Э. Глюком в Москве (до 1704 г.), имел иное по сравнению с лейденским текстом название: *Круг вся вселенная в лицах*. Поэтому, полагала она, Клютингом был опубликован другой перевод учебника Коменского. Его автором мог быть тот, кто составил следующий за текстом *Orbis Pictus* «Алфавитный русско-немецкий словарь». Вероятным переводчиком Лейденского списка Свердруп Лунден назвала И. В. Пауса. Она призывала сравнить лейденский перевод с другими русскими версиями, а в качестве печатного оригинала текста, использованного в Лейденской рукописи, видела магдебургское латинско-немецкое издание *Orbis* 1723 г. [Sverdrup Lunden 1980: 91–93].

Английский славист Генри Лиминг (*Henry Leeming*) указал на большое сходство текстов Лейденского манускрипта с главами перевода пастора Глюка, опубликованными В. Н. Перетцем. Г. Лиминг, в отличие от Клютинга, полагал, что рукопись делалась для личного пользования немцем, интересующимся русским языком [Leeming 1980: 273–274].

Славист Эрика Гюнтер (*Erika Günther*) проанализировала язык рукописных текстов перевода *Orbis Pictus*, показав особое с лингвистической точки зрения место Лейденской рукописи среди других списков [Günther 1981: 602–604; Eadem 1984: 42–51]. Она обнаружила существенное совпадение текстов рукописей БАН 1.2.1, Пражской и Чеховской рукописей (подробнее о них см. ниже), что свидетельствовало об их общем протографе, и отнесла Лейденскую рукопись к этой же груп-

пе списков *Orbis Pictus*. Однако она отметила в ней большое количество ошибок, и если некоторые можно было объяснить спешкой, то другие свидетельствовали скорее о том, что писец недостаточно владел русским языком [Günther 1984: 46]. Особенно значимым представляется наблюдение Гюнтер над самостоятельными особенностями языка Лейденской рукописи: в сравнении с тремя другими рукописями она выделила на морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях более поздние по времени языковые формы [Ibid.: 47–50] и объясняла это более поздним временем ее возникновения [Ibid.: 51]. Перевод рукописи БАН 26.3.50 и переводы для русско-японской школы (Институт восточных рукописей РАН 1. Оп. 4. Д. 11; Ibid. Д. 6) Гюнтер изначально считала независимыми, не связанными с Лейденской рукописью, а потому их лингвистического анализа не проводила.

К началу 1980-х гг. Лейденская рукопись перестала привлекать к себе внимание исследователей, и до настоящего времени новой литературы о ней не появилось. Остались без ответов вопросы о том, чем же являлась рукопись в целом и с какой целью она была составлена.

О первом русском переводе *Orbis Pictus*

Эта история началась в Москве на Покровке, где в школе, организованной в 1703 г. пастором Эрнстом Глюком (1652–1705), русские ученики осваивали премудрости латинского и немецкого языков [Перетц 1902; Белокуров 1907; Ковригина 1998; Glück, Polanska 2005]. Для нее были закуплены лучшие учебники, снискавшие мировую известность, и в их числе *Januae linguarum vestibulum majus*, *Janua linguarum reserata* и *Orbis Sensualium Pictus* великого педагога и философа Яна Амоса Коменского [Безрогов 2017а]. Экземпляры *Orbis Pictus*, изданные в немецко-латинской версии в Нюрнберге и Бреслау в конце 1660-х – 1690-е гг., сохранились в библиотеке Синодальной типографии и других книгохранилищах¹ и несут на себе следы учебного применения: разнообразные пометы, надписи на немецком, латыни, русском, рисунки, шифры, диаграммы, примеры и т. п. Владельческая запись на одной из таких книг — *Иван Хрущев* — сделана учеником, значившимся в списках «немецких школ» в 1705, 1708–1711, 1714 гг. [Безрогов 2018]. Но для преподавания в русскоязычной среде необходимо было иметь *Orbis Pictus* на русском

¹ В России подобные экземпляры хранятся в Музее книги Российской государственной библиотеки (РГБ), в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), в Отделе редкой книги Научной библиотеки Московского государственного университета (НИИ ОРК НБ МГУ), Российской национальной библиотеке (РНБ), Библиотеке Академии наук (БАН), Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы (ВГБИЛ) и, по-видимому, могут находиться в других собраниях.

языке. Такой перевод был выполнен, вероятно, пастором Глюком и получил название *Круг всея вселенныя в лицах*. Два варианта этой рукописи, переписанные почерком Иоганна Вернера Пауса [Перетц 1902: 74–75; 159–161], заменившего Глюка в школе после его неожиданной смерти, хранятся в Библиотеке Академии наук (БАН): 26.3.50 и 1.2.1. Тексты не совпадают между собой: по мнению чешского исследователя Чумы, «это объясняется тем, что первый вариант был составлен Глюком раньше (может быть, еще в Лифляндии)» [Чума 1970: 32].

Глюк хорошо знал русский язык. Живя в Лифляндии, он трудился над русским переводом Библии, погибшим в пламени Северной войны; в 1704 г. подготовил особую *Грамматику русского языка* [Glück 1994] и перевел *Vestibulum* и *Janua linguarum reserata* Коменского. Перевод *Orbis Sensualium Pictus* не составлял для него трудновыполнимой задачи, хотя, думается, он обращался за консультациями к русскоговорящим людям. Однако никакого текстологического или палеографического анализа указанных рукописей БАН до сих пор не было произведено, а атрибуция текста Глюку [Winter 1953: 204; Перетц 1902: 155–161] хотя и весьма правдоподобна, но является гипотетической, поскольку нет никаких *прямых* указаний на него как на переводчика [Glück, Polanska 2005: 116–120; Безрогов 2017а: 12–13; Idem 2018: 224]. Возможно, это два разных перевода, сделанные разными людьми, а переписанные — одним.

Отметим, что в основу труда Коменского была положена идея преподавания латыни как базового языка для единого образования полилингвальной и разнородной Европы XVII в. Написанный в 1653 г., но не изданный в одноязычной латинской версии, *Orbis* вышел в 1658 г., обретя параллельный немецкий текст, а с ним — возможность освоения учеником латыни через родной язык. В 150 текстах и рисунках автор показывал ребенку мир как единое целое — пространство, раскрывающееся человеку через его чувства (зрение, слух, обоняние, осязание) и осваиваемое через язык — поименование всего сущего [Bezrogov 2017: 113–114]. К началу XVIII в. учебник был переведен на английский, французский, итальянский, польский, венгерский, датский и другие языки, издан в двух-, трех-, четырех-, пяти- и даже шестязычных версиях и использовался в образовательных практиках большинства европейских стран [Ibid.].

В России европейские издания пособий Коменского применялись в частном обучении в Немецкой слободе, затем — в появившихся московских школах. Однако пастору Глюку не удалось осуществить свои планы и опубликовать русский перевод *Orbis*. Единственный типографский орган — Печатный двор в Москве — не имел латинских шрифтов

и не мог воссоздать сложные иллюстрации². Более того, последующие попытки выпустить учебник Коменского для нужд учащихся университетских гимназий тоже не осуществились по техническим причинам [Безрогов 2018: 242–243], а появившееся наконец в 1768 г. московское издание *Orbis* не имело картинок. Начало издания светской учебной литературы Петр I предпринял в Амстердаме, а не в Москве, поскольку

[...] в московской типографии печатались книги почти исключительно духовного содержания, причем с обязательного благословения Патриарха. Соответственно, издание в ней целой серии светских учебников, причем составленных по книгам ученых-иноверцев, было явно неуместным [Зарецкий 2020: 266–267].

Думается, что типографские трудности [Починская 2011] Глюк хорошо представлял и потому шел другим путем: максимально использовал западноевропейские печатные издания *Orbis* вместе с его русским рукописным переводом. Расплести печатную книгу и вставить в нее чистые листы для вписывания русского текста [Безрогов 2018: 231–232], а также французского [Ibid.: 237] или японского [Чума 1970: 57–61] было возможным, но весьма сложным делом. Гораздо проще положить рядом с русской рукописью европейское издание и учиться одновременно по обоим — «синтетическим» способом. Подчеркнем, что в этом случае не утрачивалось и значение иллюстраций, неизбежно отсутствовавших в рукописных вариантах пособия.

Рукописные списки перевода *Orbis Pictus*

Лейденская рукопись содержит в себе перевод *Orbis Pictus* на русский язык. В первую очередь следует понять, что это за перевод, кем и когда он был сделан. Далее нужно прояснить, какие существовали еще (помимо работы Глюка) переводы *Orbis* на русский, выполненные до московского издания 1768 г. (пер. И. М. Шадена). Для этого необходимо сделать сравнение всех русских *рукописей Orbis*. К настоящему времени известно 7 полных списков³ и несколько фрагментарных [Чума 1970; Günther 1984; Безрогов 2017a; Idem 2018]. Все они изучены недостаточно — как текстологически, так и палеографически⁴.

² Отметим, что иллюстрированный Букварь Кариона Истомина печатался в 1694 г. цельногравированными листами и малым тиражом [Лукьяненко 1981: 5].

³ 1) БАН 26.3.50; 2) БАН 1.2.1; 3) Библиотека Национального музея Праги IX.E 41; 4) частное собрание Н. В. Чехова (утрачена); 5) Институт восточных рукописей РАН Р. 1. Оп. 4. Д. 11; 6) Ibid. Д. 6; 7) Maatschappij Nederlandse Letterkunde (KL) Ms. LTK 584 Ch. G. Wolf, Russisch-hochdeutsches Wörterbuch, Leiden.

⁴ За помощь и консультации по рукописям и текстам благодарим Т. В. Костину, П. И. Прудовского, А. В. Толстикова, Н. В. Назарова.

За рукописями БАН (26.3.50 и 1.2.1), созданными ранее 1705 г., хронологически следует Пражская рукопись *Orbis Pictus* (IX.E.41), датируемая первым десятилетием XVIII в. [Яцимирский 1921]: «Начало учения. Учитель ученик беседует. *Orbis Pictus*. Я. Амос Comenii». Рукопись содержит только русский текст, написанный многими небрежными (возможно, ученическими) почерками, главы даны без названий, лишь с обозначением их номеров кириллическими цифрами, т. е. прослеживается определенное сходство с рукописью БАН 1.2.1 (в БАН 26.3.50 названия глав есть и текст расположен иначе).

Еще одна рукопись — Чеховская (находилась в личной библиотеке Н. В. Чехова) — в настоящее время утрачена, но работавший с ней Чума выполнил ее краткое описание и опубликовал фото нескольких страниц. Этот русский перевод был написан на чистых листах, вплетенных в издание *Orbis*, напечатанное в Магдебурге в 1714 г., следовательно, список не может быть датирован ранее этого года, но почерк и владельческие записи определенно относятся к петровскому времени.

Далее назовем рукопись библиотеки Лейденского университета (Ms. LTK 584). Именно ей посвящена данная статья, и потому опишем ее подробнее. Манускрипт содержит в себе 237 листов размером 19,5 × 16 см. Филигрань — «герб города Амстердама» — относится к 1716 и 1729 г. [Klueting 1978: XXII–XXIII; Van den Baar 1968: 13–14]. Переплет рукописи — кожа коричневого цвета. Содержание, в отличие от всех других рукописей, расширено дополнениями и выглядит следующим образом: 1) молитва «Отче наш» на разных языках и алфавиты нескольких языков; 2) полный русский перевод 150 тематических глав *Orbis Sensualium Pictus* Я. А. Коменского (русский заголовок: «Свет видимый»)⁵ с параллельным немецким переводом и тематическими словариками; 3) немецко-русский «Алфавитный словарь». На оборотном листе переплета — запись с именем некоего Христиана Готлиба Вольфа с датой: ноябрь 1731 г.

Еще две рукописи, несколько более поздние, чем Лейденская, хранятся в Институте восточных рукописей РАН (Р. 1. Оп. 4 Д. 6 и Д. 11). По некоторым гипотезам, они подготовлены в 1736–1739 гг. А. И. Богдановым (1692–1766) для учеников, изучающих японский язык: в этих манускриптах он дан параллельно русскому тексту [Чума 1970: 55–59].

⁵ Заголовок выглядит так: «СВѢТЪ ВИДИМЫ звание», т. е. «название "Свет видимый"». Это перевод с немецкого заглавия изданий Коменского: DIE SICHTBARE WELT.

Пилотное сравнение рукописных списков с переводом *Orbis Pictus*

Автор основополагающего труда по русским переводам сочинений Яна Амоса Коменского — чешский исследователь Чума — полагал, что каждый из перечисленных выше списков содержит самостоятельный перевод *Orbis Pictus* [Чума 1970], и это мнение никем не подвергалось сомнению. Так, относительно Чеховского списка он писал: «Кто является переводчиком, установить невозможно. По всей вероятности, Смирнов или Константинов, фамилии которых написаны на книге» [Чума 1970: 41]. Однако очевидно, что это имена владельцев рукописи, а не переводчиков. Гипотеза Чумы о самостоятельном переводе *Orbis* А. И. Богдановым также спорна и не имеет серьезного обоснования [Ibid.: 55–59]. Сравнение списков Чумой не было проделано, что заставляет серьезно усомниться в его представлениях.

Вероятно, из-за того, что ни одна из этих рукописей не была опубликована, при этом они находятся в архивах разных городов и стран, их сопоставление до сих пор не было произведено в полной мере⁶. Теперь же компьютерные технологии весьма упростили эту задачу: тексты могут быть оцифрованы (как это сделано Лейденской библиотекой в отношении рукописи *Ms. LTK 584*) и их сравнение окажется посильным. В рамках нашей статьи основательный текстологический анализ рукописей неосуществим, но пилотный вариант такого исследования необходим: без него все дальнейшие рассуждения о Лейденской рукописи будут некорректны.

Мы имеем тексты Пражской, Лейденской и частично Чеховской рукописей, а также фрагменты рукописи *БАН 1.2.1* [Перетц 1902: 159–161], что дает возможность сделать ряд чисто «механических» сравнений⁷.

Глава 97. Школа

Современный перевод

Ю. Н. Дрейзина [Коменский 1941]

Школа есть мастерская, в которой юные души воспитываются в добродетели; она разделяется на классы. Учитель сидит на кафедре, ученики — на скамьях. Учитель учит, а ученики учатся. Кое-что пишется для них мелом на доске. Некоторые ученики сидят за столом и пишут. Учитель исправляет ошибки. Некоторые стоят и читают вслух то, что они выучили на память. Некоторые разговаривают и ведут себя как шаловливые и небрежные ученики. Они наказываются лозой и розгой.

Пражский список (л. 28об.)

Школа есть делателище, в котором младые души к благочестию привыкают (обькаются) и разделяется во училище учитель сидит на кафедре (*здесь текст главы 97 обрывается*).

⁶ Исключение составляет статья Э. Гюнтер [Günther 1984], о ней см. выше.

⁷ Тексты рукописей здесь и далее приводятся в современной транскрипции.

Чеховский список [Чума 1970: 40]

Школа есть делание в которой младыя смыслы ко благочестию обыкаютца и разделяютца во учении. Учитель сидит на катедре ученики на лавках он учит сии учатца некоторое им предпишетца мелом на таблице некоторые сидят за столом и пишут он поправляет описки. Некоторыя стоят и сказывают что училися некоторыя памятны и ставят себя резвыми и неприлежными и смиряютца палкою и лозюю.

Лейденский список (лл. 109об.–110)

Школа есть делателище, [в котором — пропуск — В. Б., О. К., Е. Р.] млады души к благочестию обыкаются и разделяется во училище учитель сидит на катедре ученики на лавках он учит сии учатся некоторое им преписуется мелом на таблице некоторые сидят при столе и пишут он поправливает описки некоторыя стоят и прослушивают что училися некоторыя беседуют и ставят себя резвыми и неприлежными и посмиряются палкою и лозюю.

Глава 101. Философия*Современный перевод*

Ю. Н. Дрейзина [Коменский 1941: 40]

Естествоиспытатель наблюдает все дела Божьи в мире. Философ исследует причины и следствия вещей. Математик высчитывает числа при помощи сложения, вычитания, умножения, деления. Он делает это или посредством цифр на счетном пергаменте, или счетными фишками на счетном поле. Крестьяне считают десятками и пятками «дюжинами, по пятнадцати и по шестидесяти.

Чеховский список [Чума 1970: 40]

Натуры физик разсмотряет все сотворение божие в свете. Физик испытует вещей причины и действия. Щетный мастер считает числа. Когда их собирает от одного отнимает умножает и разделяет и тако цифрами на коже счетными пенязями на столе цифирном. Крестьяне считают крестами (X) и полукрестами (V) дюжинами, пятнадцатками и шестидесятками.

Пражский список (л. 30)

Фусик испутует вси твари божия на свете. Местафюзик испутует веще и причины и действия счотны мастеръ сочтет числа когда их собираетъ отнимаетъ умножаетъ разделяетъ и тое или цифрами такоже на коже или чотными пенязями на столе цифирным хрестяны сочтот десятками и пятками, и дюжинами пятьюнадеятками шестидесятками.

Лейденский список (лл. 115об.–116)

Фисик испитует вся твари божия на свете. Метафисик испитует веще и притчины и действия, щетный мастер считает числа, когда их собирает, отнимает, умножает и разделяет и тое или цифрами на коже или четными пинязями на столе цифирном крестьяня считают десятками [X] крест десятков [X] и пятками [V] пол креста пятток, дюжинами пятьнадесятками и шестидесятками.

Можно сопоставить разделенные четвертью века списки *БАН.1.2.1* и Лейденский.

Глава 91. Наука письма

Список БАН.1.2.1 [Перетц 1902: 160]

Древные писали на воощеных дщицах медяною спичкою, его же острым концем буквы тянулися, плоским же концем паки очернилися потом писали буквы тонкою тростю; мы употребляем [уживаем] гусиное перо, его перочин мы чиним перочинником, потом обмакиваем рощеп в чернилницу, которая покрыта есть покрывкою [заверткою] и перья кладем в трубку. Писмо сушим сушительною бумагою. Или песком из песочницы. Мы же пишем от левыя к правой, Евреяны от правыя к левой руке. Китайские люди и другие индейны сверху вниз.

Лейденский список (л. 103об.–104об.)

Писательное художество.

Древные писали на воощаних дщицах медною спичкою, его же острым концем паки очернилися, потом писали буквы тонкою тросткою; мы употребляем гусиное перо, его перочин мы чиним перочинником, потом обмакиваем рощеп в чернилницу, которая покрыта есть покрывкою [заверткою] и перья кладем в трупку. Писание сушим сушительною бумагою. Или песком из песочницы. Мы же пишем от левыя к правой, Евреяне от правыя к левой руке, китайские люди и другие Индейны сверху вниз.

Глава 92. Бумага

Список БАН.1.2.1 [Перетц 1902: 160]

Древные люди употребляли буковыя таблицы или листы, иаякоже и корки древес, наипаче египетскаго древца, что назывался папирус, ныне употребляемая есть бумага, которою бумажник в мельнице бумажной из всяких трепиц делает, которыя в кашу стираются, ею же во образцы черпаную, он распространит в листы, на воздух вешивает, чтобы сушилися, их же ке делают десть, к дестей — стопу. Что долго будет постояти, пишется на пергаменте.

Лейденский список (л. 105об.–106)

Древния люди употребляли буковыя таблицы или листы, иаякоже и корки древес, наипаче египетскаго древца, что назывался папирус, ныне употребляемая есть бумага, которою бумажник в бумажной мельнице из ветхих трепиц делает, которыя в кашу стираются, его же во образцы черпаную, он распространит в листы, и на воздух вывешивает, чтобы сушилися, их же двадцать пять, делают десть, двадцать дестей — стопу. Намень долго будет постояти, пишется на пергаменте.

Глава 95. Переплетчик

Список БАН.1.2.1 [Перетц 1902: 161]

В древних временах клеили одну бумагу к другой и свертывали в один сверток; ныне переплетет переплетчик, когда листы, клеиною водою укрепленных, сушит, потом съложит и биет, когда же сшивает, жмимает в тисках, которая имеет два шурупа на хребте, клеит, резцем обрезывает. Напоследок пергаментом или кожей навлечет, изобразует и им прибиет застяшки.

Лейденский список (л. 109)

В древних временах клеили одну бумагу к другой и свертывали в един сверток; ныне переплетет книги переплетчик, когда листы, клеиною водою укрепленных, сушит, потом слагает и биет, когда же сшивает, жмимает в тисках, которой имеет два шурупа на хрепте, клеит, ресцом обрезывает. Напоследок пергаментом или кожей навлекает, и им прибивает застяшки.

Аналогичные сходства мы видим и при сравнении других глав. Даже небольшие фрагменты четко демонстрируют одинаковую структуру и лексику текстов разных списков при некоторых пропусках слов и естественных различиях в орфографии [Günther 1984].

Обратим внимание на использование в тексте русского перевода *Orbis* синонимов, вписанных в квадратные скобки. Так, в Лейденской рукописи поясняются некоторые церковнославянизмы: *вертеп* [хлеви-на] (л. 186); *ад* [зеенский огонь], *шлем* [шелом] (л. 169об.). Такие же варианты слов есть и в других списках, например, в Пражском, но его писцы не любили ставить скобки. Сравним тексты в главах про город (122 и 123) в Пражском и Лейденском списках:

Пражский список

«[...] в город ходят из посада сквозь врата через мост [...]» (лл. 36–36об.)

«гостинный двор стоялой двор харчевни и шинки кабаки» (л. 36об.)

«богаделна божница (sic!)» (л. 36об.)

«река или поток проточина сквоз город текущая» (л. 36об.)

Лейденский список

«[...] в город входят из пасада сквось вратами, чрез мост [мостом] [...]» (лл. 146–146об.)

«гостинный двор [стоялой двор] шинки [кабаки] и харчевни» (л. 147об.)

«богаделна [болница]» (л. 148)

«река или поток [проточина] сквоз город текущая» (л. 148)

Как кажется, писцы Пражской рукописи не понимали значения скобок, мало присущих допетровской письменности и, в отличие от писца Лейденского списка, правильно их копировавшего, скобки пропускали, почему и прочли слово *болница* (синоним богадельни) как *божница*. Но есть примеры, когда квадратные скобки поставлены во всех списках: так, в списках *БАН 1.2.1*, Пражском и Лейденском сказано одинаково: чернильница *покрыта есть крышкою [заверткою]*. Отсюда ясно, что синонимы в скобках имел первоначальный русский перевод (вероятно, Глюка) к которому и восходят более поздние списки.

Таким образом, даже пилотное сравнение дает достаточно совпадений для того, чтобы прийти к выводу о существовании единого протографа русского перевода *Orbis Pictus* для всех семи его рукописных списков. Косвенным доказательством существования одного, а не нескольких русских переводов *Orbis*, также служит следующий «рациональный» довод: учебник Яна Коменского содержит огромный корпус лексики — достаточно сложной и тематически предельно разнообразной. Выполнять перевод такого сочинения каждый раз заново — огромный и вряд ли оправданный труд.

Разночтения списков связаны с тем, что в процессе копирования первоначальный текст претерпевал изменения, но их не столь много,

чтобы оригинал не был четко узнаваем. Гимназия Глюка успела выпустить немало учеников, в том числе таких известных переводчиков, как братья Веселовские [Серов 2008: 30–31] или А. Ф. Хрущев. Обучаясь в гимназии по *Orbis Pictus*, они знали этот учебник и в собственной преподавательской практике, вероятно, стремились использовать его же. Думается, подобным путем списки *Orbis* получили достаточно широкое распространение — наличие рукописей в Праге и Лейдене свидетельствует о том, что такие тексты покидали пределы России вместе с переводчиками и дипломатами.

Отметим, что аналогичное явление — широкое хождение алфавитных словарей, тематических глоссариев, разговорников, перечней профессиональной лексики и др., переписанных от руки и составленных в учебных целях, — отмечается европейскими славистами, изучающими русско-немецкие, русско-шведские и т. п. тексты конца XVII — начала XVIII в. [Günther 1964: 15–23; Sverdrup Lunden 1975: 47–49]. Исследователи считают, что многие подобные манускрипты восходили к педагогической традиции учебников Коменского (прежде всего *Janua Linguarum*) и часто являлись различного рода списками с общего оригинала [Sjöberg 1966; Birgegård 1971: 84–87; Junson 1975: 102].

Особенности текста Лейденской рукописи, восходящие и не восходящие к протографу

Как отмечалось выше, языковые особенности Лейденской рукописи были описаны Э. Гюнтер. Не претендуя на полное сравнение списков, добавим к ее наблюдениям еще некоторые.

В период формирования русского литературного языка первой половины XVIII в. среди первых кодификаторов русского литературного языка сформировалась идея отмежевания церковнославянского от русского. Петр I сам поддерживал формирование «простого» русского языка. Однако, изучая *Грамматику* пастора Глюка, В. М. Живов и Х. Кайперт пришли к выводу, что в ней «никакого последовательного противопоставления русского и церковнославянского не устанавливается», она «предназначалась для обучения русскому языку в организованной Глюком школе и в силу этого имела “синтетический” характер, соединяя материал традиционного книжного и некнижного языка» [Живов 1996: 198].

Это направление было продолжено Паусом, который полагал, что «славянский и русский образуют своеобразное единство» [Живов 1996: 200]. Анализируя перевод на русский язык антологии Сейбольда (Зейбольда), сделанный Паусом, итальянская исследовательница М. К. Брагоне также заключила, что «в переводе преобладают харак-

терные черты русского языка, рядом с которыми все-таки в определенных случаях встречаются черты, свойственные церковнославянскому» [Брагоне 2018].

В Лейденской рукописи тоже есть незначительное количество церковнославянизмов (*в руке, дщица* (л. 104об.), *пря* (л. 150), *в мгновение ока* (л. 194), *позоры* (т. е. спектакли л. 158), *руда* (кровь) и др.), которые отметили Т. ван ден Баар [Van den Baar 1968: 18] и Клютинг, полагая, что составитель лейденского «словаря» владел и «высоким» и «низким» стилем речи. Клютинг также указал на уже редко встречающиеся к 1730 г. церковнославянские буквы *зело, кси, омегу, ижицу, ипсилон* [Klueting 1978: XXIX]. Однако эти, как и некоторые другие наблюдения над языком Лейденского списка ни в коей мере не могут характеризовать его составителя, как полагали вышеназванные исследователи, поскольку являются лишь повторением языка переводчика, автора протографа. Именно в протографе нашел отражение «гибридный» язык, о котором писали Живов и Кайперт, что подтверждает, или, во всяком случае, не противоречит отнесению создателей перевода к кругу лиц, близких к школе Глюка и Посольскому приказу, при котором она находилась.

Самостоятельны, однако, в Лейденской рукописи русские заголовки глав *Orbis Pictus*, и на них следует обратить особое внимание. Анализ заголовков печатных изданий этого пособия Яна Коменского, проделанный В. Г. Безроговым, показал, что заголовки переводили и подписывали сами ученики школы Глюка, используя при этом разговорный язык [Безрогов 2018: 255–256, 260–274]. В Лейденском списке заголовки совсем иные — понятные, но не свойственные разговорному русскому языку, однако употреблявшиеся в церковнославянском. Например: гл. 45. *Земледяние*, гл. 46. *Скотопитание*, гл. 48. *Мелное дело* (действие), гл. 40. *Хлебопечние*, гл. 43. *«Худообразные и уроды»*, гл. 50. *Рыболовение*, гл. 51. *Птицеловение*, гл. 52. *Ловление*, гл. 55. *Винозбирание*, гл. 89. *Корабль обременённый*, гл. 93. *Книгопечатие* и др.⁸ Это работа человека, который, видимо, полагал, что церковнославянский придаст тексту возвышенность и благочестивость или, говоря словами переводчика того времени Федора Поликарпова, «высоту и красоту латинского оригинала», которая есть только в церковнославянском [Живов 1996: 93]. Заголовки глав на немецком языке соответственно написаны в несколько латинизированной форме — *Capittel*, и только в гл. 2 *Kapittel* (л. 11).

В Лейденском списке сохранился языковой пласт протографа, относящийся еще к XVII в.: в скобках он иногда пояснялся современным

⁸ Названия глав Лейденской рукописи на русском и немецком языках см. [Klueting 1978: XLIII–XLVI].

термином. Так, в главе 138 *Королевске* (sic) *величество* королевский совет возглавляет не секретарь, и не канцлер, а *думный дьяк*. В Пражском списке он управляет со *свойственниками* [много говорящая описка писца. — В. Б., О. К., Е. Р.] и *тайными людми* (л. 40), в Лейденском — с *советниками и тайными людми [секретарями]* (л. 167). Ближайшее королевское окружение в переводе дано точно так, как это было в допетровское время и фиксировалось в боярских списках вплоть до 1713 г.: *дворецкой, кравчей, столник, казначей, спалник комнатный и конюший* (л. 167). Немецкие реалии (*die Hofjuncker Pagen Edelcknaben mit den Kam(m)erdienern und Läufern*, etc.) переводчик максимально приблизил к русским. Интересно, что в Пражском списке эти дворцовые чины пропущены, но есть думные чины: *околничия, бояря* (л. 40), в Лейденском же это: *околничие и бояричи* (видимо, дети боярские), *со спалниками и скороходцами, пратазанички со гвардиєю* (л. 167). Эти «осколки» терминологии XVII в. говорят о том, что перевод *Orbis Pictus* делался в самом конце этого века или в первые годы следующего.

Характерным для речевого стиля петровского времени было заимствование иностранных слов, к 1730-м гг. оно усилилось. Однако в переводе они используются в исключительных случаях — когда не находилось русского эквивалента — и по возможности было дано разъяснение: *банкет* (л. 69), *авдиенция* (л. 167об.), *шанцы* (л. 174), *пояс или портупей* (л. 170), *баталия* (л. 173), *кометы — хвосточныя звезды* (л. 193).

В переводе широко использовалась и обыденная речь: «[...] пьяницы упиваются, шатаются, блюют, и с пианства похмелье произсходит, из него же нечестная жизнь между блядунами и блятками целованием, осязанием, облобызанием и плясанием» (гл. 112 *Воздержание*).

Таким образом, русский перевод *Orbis Pictus* в его лейденской версии сохранил в себе «гибридный» язык петровского времени, в котором сочетались новизна — т. е. установка на «простой русский язык» — и преемственность — формы книжного, церковнославянского языка [Живов 1996: 110–111].

Обратим внимание и на то, какой из видов нумерации использован в разных списках. Писцы ранних рукописей (*БАН 1.2.1* и Пражского) свободно и привычно пользовались кириллическим счетом: именно так изначально пронумерованы все главы, но к ним в обоих случаях другой рукой подписаны арабские цифры. В их текстах также использованы кириллические цифры, так в Пражском: *и по м̄ днях вознесен* (л. 44), *в і̄ день* (л. 44), *в лето от создания мира з̄цо* (л. 43), — без всяких переводов в другую цифровую систему. Писец же русского текста Лейденской рукописи для обозначения глав пользовался арабскими цифрами — кириллическими он определенно владел очень плохо, есть всего

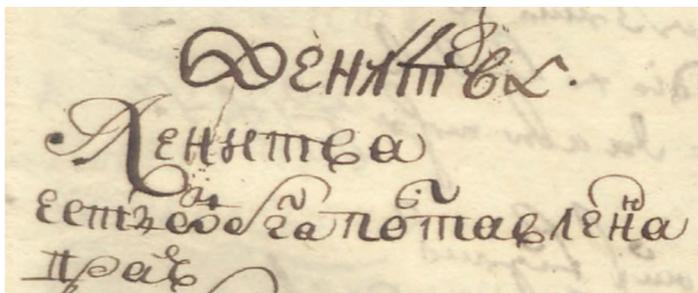
3 примера их употребления: *12 тысяч языческих богов* — цифра вписана другим, нетвердым, почерком (л. 180об.). Также слабо удалась ему попытка написать цифрами сорок (*ḿ*), пришлось поправить на *четыредесяты* (л. 188). В других случаях писец записывал количество словами, а не цифрами: *дюжина, пятьдесят* (л. 147). Дата на л. 186 кириллическими буквами означает 3905 год („гѣе), но в немецком переводе — 3970 год. Это якобы год рождения Христа в лето от сотворения мира. В тематическом словарики эта дата прописана словами: *тысяща девятсот семьдесят* (в немецком переводе — 1900 и на следующей строке — 70 (л. 189)). Это может быть неправильная датировка по «еврейским мировым эрам», и должно быть 3761 г. Откуда у Яна Коменского взялся 3970 г. (а именно он стоит в оригинале) — неясно.

Есть в Лейденском списке и латинские цифры: XII, XV, LX, к ним дано объяснение: «крестьяня считают десятками [X] крест десяток [X] и пятками [V] пол креста пяток» (л. 116). Таким образом, именно цифры в Лейденском списке являются его особенностью: составитель (писец) знал разные варианты счета — арабский и латинский употреблял без-ошибочно, кириллический понимал весьма слабо.

Особенности работы писцов Лейденской рукописи

О Лейденской рукописи многое могут сказать наблюдения над работой ее писцов, которые, как увидим далее, являлись также и ее составителями. Писцов было двое; обозначим их, вслед за Клютингом, подтвердившим наблюдения Баара, писец А и писец Б [Klueting 1978: XXVI], поскольку наши выводы с этим полностью совпадают. Эти почерки улавливаются глазом, когда их оба видишь на одной странице. Модификации почерка могут происходить из-за перерыва во времени, из-за смены пера и чернил, из-за физического состояния писца. Поэтому руку одного писца всегда есть опасность принять за несколько. Однако в нашем случае в этих почерках русские буквы «и» и «ж» на протяжении всей рукописи имеют разное начертание: писец А букву «и» писал с петельками снизу мачт, а букву «ж» очень сложным росчерком; писец Б изображал эти буквы иначе. В целом же писец А был склонен к завитушкам и росчеркам пера, писец Б — гораздо более лаконичен в графике букв. Особенно хорошо видны различия в этих двух почерках на л. 140: заголовок *Женитва* написан писцом Б, и вслед за ним идет текст писца А, начинающийся с этого же слова — *Женитва*, которое к тому же содержит обе буквы — «ж» и «и» — в их характерном для каждого из писцов начертании (ил. 1)⁹.

⁹ Здесь и далее все иллюстрации даны с официального сайта библиотеки Лейденского университета: <https://digitalcollections.universiteitleiden.nl>.

Ил. 1. Лейденская рукопись, л. 140

Но при этом оба почерка в целом похожи, что может говорить об общей «школе» русского языка (о почерках разных школ см. [Мошкова 2014]). Хотя массовое издание «типовых» прописей в России началось только с 1782 г., ранее «единой структуры азбук и прописей не существовало» [Белоконь 1988: 10], самодельные «учительские» прописи, использовавшиеся до этого времени, «содержат в себе “модель” будущего типа письма, который будет во множестве вариантов развит в индивидуальных почерках [учеников. — В. Б., О. К., Е. Р.]» [ibid.: 11]. В Лейденской рукописи представлен, на наш взгляд, пример именно такой общей «модели» в двух развившихся из нее индивидуальных вариантах почерка. Это могли быть два ученика одного учителя или учитель и ученик — в том числе старший родственник, обучавший младшего.

Оба писца могли свободно писать и по-русски, и по-немецки. Однако писец А владел русским языком намного лучше, чем писец Б. Об уровне владения ими немецким языком судить трудно, так как они списывали немецкий текст *Orbis Pictus* с печатного издания. Поэтому говорить о качестве перевода с русского языка на немецкий — о чем рассуждал Тон ван ден Баар — просто невозможно, поскольку перевода как такового не было: писцы лишь более-менее механически сводили воедино два текста — русский и немецкий.

Проанализируем, как создавалась Лейденская рукопись. До л. 47 страницы были расчерчены на колонки для русского и немецкого текстов глав и тематического словарика к каждой из них, приблизительно так, как это мы видим в печатном издании. Далее от разлиновки отказались, очевидно, потому, что точно уместить текст в колонки было трудно.

Сначала над текстом работал в основном писец А: с 8 по 43 лист он заполнял обе колонки и на русском, и на немецком языке, в том числе записывал более крупным почерком названия глав¹⁰. Рука писца Б по-

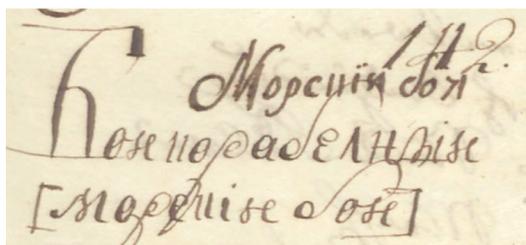
¹⁰ О распределении почерков А и Б в рукописи подробнее см. [Kluefing 1978: XXVI].

является здесь лишь изредка в немецком тексте (лл. 9, 14, 16об. и др.).

С главы 42 писцы перестали помещать русское слово *Глава*, оставив только цифру, по-немецки же продолжали писать *Capittel*, но писец А делал это с двумя *tt*, а писец Б — с одним и в более развернутом варианте: *Das 38te Capitel*. Начиная с л. 43, писец А стал воспроизводить только русский текст, а писец Б — только немецкий.

Сначала писцы заполняли колонку с русским текстом, потом к нему приписывали немецкий перевод так, чтобы немецкое слово шло рядом с русским — в одну строку. При такой записи немецких слов требовались внимание и понимание русского языка.

Помещенный за *Светом Видимым* немецко-русский словарь целиком составлен и переписан писцом Б. Словник был взят из тематических словариков к главам *Orbis Pictus*. Отчетливо видно, как писец Б работал по русскому тексту в связи с составлением алфавитного словаря: писец А помещал в тематические словарики далеко не все слова из глав, писец Б дотошно «вылавливал» эти пропущенные слова и дописывал их в каждый словарик по-русски, переводя тут же на немецкий (см., например, лл. 120, 124об.). Но иногда писец Б тоже допускал небрежность: так, в главах 125 *Казнь* и 126 *Товар и Купец* его приписок в тематический словарик нет, хотя возможности его дополнить были. Поскольку писец Б работал по уже заполненным страницам, места для его дополнений не хватало, и он вписывал их на все свободные места, какие только мог найти. Попутно он исправлял разные «технические» недочеты, допущенные писцом А. Так, писец Б восполнил те русские заголовки глав, которые писец А почему-то стал пропускать ближе к завершению работы¹¹. Например, почерком писца Б написаны: гл. 130 *Позорне (sic) месте* [позорное место, т. е. сцена. — В. Б., О. К., Е. Р.]; гл. 133 *Мячем игра*; гл. 134 *Шахма* (шахматы); гл. 136 *Отрочныя игра*; гл. 137 *Королевство и циема* (нем. *Das Reich und die Landschafften*); гл. 140 *Лагерь*; гл. 141 *Баталле*, гл. 142 *Морскіи бои*. Некоторые заголовки буквально втиснуты писцом Б между номером главы и ее текстом, так как писец А даже не оставлял между ними места (ил. 2). В основном педантичный Б брал названия заголовков из русского текста, но в нескольких случаях

Ил. 2. Лейденская рукопись, л. 175

¹¹ Х. Клютинг считал, что все заголовки выполнил писец А. Это не так, но большинство заголовков сделано им.

латинский заголовок с трудом переводил сам: в гл. 147 *Христианизм* он транслитерировал латинский заголовок, в гл. 148 *Махметския веру* (sic! — см. далее) он первоначально написал *вору*, затем исправил. Две главы остались без названия — это гл. 132 *Die Fechtschul* (в одном из списков ее перевели как *Школа шурмованная* (*шурмование* — фехтование шашкой) [Безрогов 2018: 269]) и гл. 145 об античных богах. Проблема с заголовками, видимо, возникала потому, что русский текст копировался с рукописи типа Пражской, где они отсутствовали.

Как видим, писец Б не просто переписывал текст, его работа имела иной уровень: он редактировал всю рукопись, стараясь привести ее в законченный вид, сам переводил некоторые слова, другие исправлял в основном тексте (его перо было более жирное, чем у писца А). Писец Б был заинтересован в качественном исполнении всей работы, в том числе и Алфавитного словаря, над составлением которого он трудился.

Писец Б знал русский язык, без сомнения, хуже, чем писец А. Об этом говорят характерные ошибки в написании им русских слов, которых у писца А значительно меньше. Уже по приведенным выше заголовкам, исполненным рукой писца Б, видно его нетвердое владение языком. Выписывая русские слова в тематические словарики, он затруднялся ставить их в инфинитив или в именительный падеж, поэтому давал их в той форме, в которой они стояли в тексте. Получалось, например, не *грамотка*, а *грамотку* (л. 112). Алфавитный словарь показывает, что писец Б плохо различал звуки «с» и «з», «б» и «п», «д» и «т», причем не только в позиции оглушения или озвончения, но и перед гласными и сонорными: *асбука* (л. 199), *береса* (л. 202об.), *кваз* (л. 210), *слии ангел* [злой ангел. — В. Б., О. К., Е. Р.], но *злой дух* (л. 207), *семля* (исправлено на *земля*) (л. 210), *желесной гвосдь* (л. 213, 234), *прасдный* (л. 216), *кразильник* (л. 217об.), *свезда утренняя* (л. 231об.), *мызьль* (л. 219), *саец* (223об.), *помасаник* (л. 223); *поярин* (лл. 213, 216об.), но есть и *боярин* (лл. 201об., 212об.), *испранный* (л. 211об.), *клатпище* (л. 222), *панкет* (л. 223), *пуква питагорская* [буква пифагорская. — В. Б., О. К., Е. Р.] (л. 128), *трупка* (л. 215об.) и здесь же *трубка зрительная* (л. 215) и мн. др.¹² Такие ошибки рождались, как кажется, потому что писец Б списывал слово, не имея его перед глазами непосредственно, а переносил с другой страницы, писал по памяти, опираясь на произношение; для носителя немецкого языка мена глухих и звонких характерна даже в сильных позициях, поэтому ошибки писца Б сродни тем, которые допускали немецкие переводчики, работавшие в России. Например, в текстах Пауса происходило смешение звуков «п» и «б» (*брямо*), «ш» и «ж» (*брижол*), «с» и «з» (*змерть*) и т. д. [Перетц 1902: 132–133].

¹² Еще примеры см. [Kluebing 1978: LVIII].

Затруднялся писец Б и с буквами «щ» и «ю», помещая в словарь слова *училище* (л. 208), *конушня* (236об.). Путал он иногда род и падеж: *торгованного человек* (л. 229), *пулечка железный* (л. 212), *слоновие кость* (л. 213), *оселный ленивство* (л. 212) (ослиное упрямяство); *духа смрад* (л. 118об.) (смрадный дух), *гусная нога* (л. 118об.) (гусиная нога). Но ошибок не так уж много по сравнению с правильно написанными словами.

Тем не менее писец Б был убежден в том, что хорошо знает русский язык, поскольку уверенно исправлял в тексте писца А: *трубка* на *трупка* (л. 105), *вожжами* на *вожшами* (л. 97об.), *кладези* на *кладеси* (л. 148), *телега* на *делега*, причем букву «е» в этом и в других словах исправлял верно на «ять» (л. 96об.). Возможно, он проверял написание слов по пособию, с которого и переписывался русский текст. Делал он это в тот момент, когда приписывал к русским словам немецкий перевод. Например, он заметил ошибочное слово *похор*, зачеркнул его, рядом поправил на *порох* и тут же написал по-немецки — *Pulver* (л. 171об.) (Рис. 3).

Писец А тоже делал ошибки в словах, например, писал *прадет* (л. 142), *прикас* (л. 147об.), *хрех* (л. 198), но эти случаи единичны и возможны для носителей русского языка. Ему было свойственно написание союза «и» слитно с идущим за ним словом: *ивежливые* (л. 201), *ивнуки* (л. 142об.) и даже *прикоторых* (л. 170об.), но немецкий перевод от этого не страдал, поскольку опирался на немецкий печатный текст. Свои описки при копировании текста писец А тут же исправлял. Например, он написал: *Возглашается одним глазом*, но затем переправил — *гласом* (л. 113), вместо *чело* дважды написал *село*, но оба раза исправил (лл. 129об.–130), неправильно им списанное слово *вымышляет* как *вымляет* замалевано и сразу же выправлено (л. 113). Иногда писец А пропускал или путал строку копируемого текста. Например, слово *приданое* попало не в ту строку текста, его писец обвел рамкой (не зачеркнул) и чуть ниже написал его на нужном месте (л. 140об.). Точно так же на л. 152об. во фразе *Продавец / показывает товар / и сказывает цену*, писец, ошибившись, написал *продавец / показывает цену*, заметил это, *показует цену* зачеркнул и далее написал правильно, в нужной последовательности.

Исправляя ошибки, писец А их удалял так, чтобы слова в колонке не изменили своего порядка. Это было важно для припи-

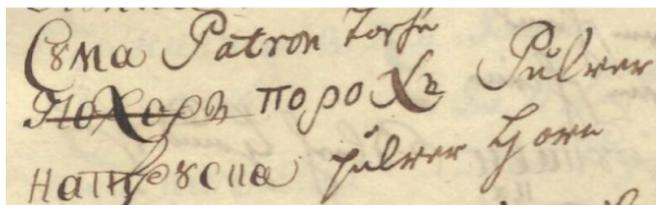
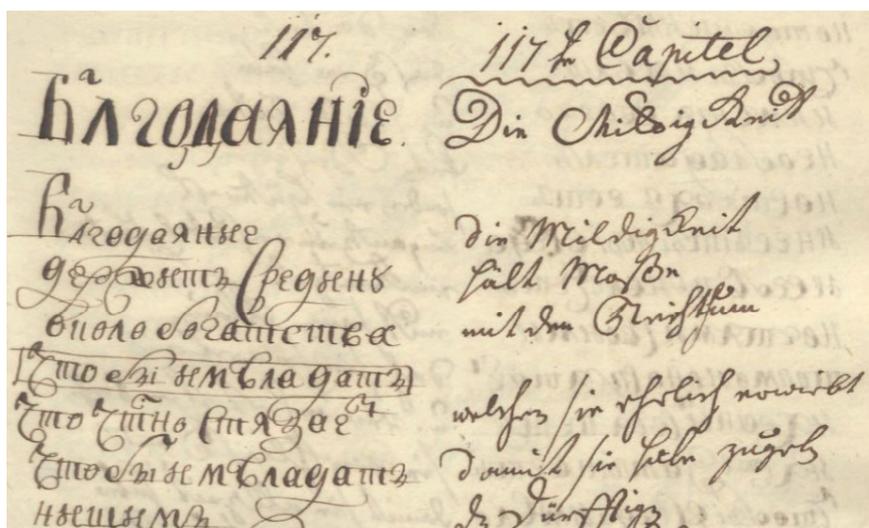

Рис. 3. Лейденская рукопись, л. 171об

Ил. 4. Лейденская рукопись, л. 139

ски немецкого перевода к русским фразам, дабы писец Б не сбился. Очевидно, что писцы А и Б работали вместе, помогая друг другу. Например, к словам *чтобы им владеть* пропущен немецкий перевод (л. 139), писец А эти слова обвел, тем самым указав на этот просчет писцу Б (ил. 4).

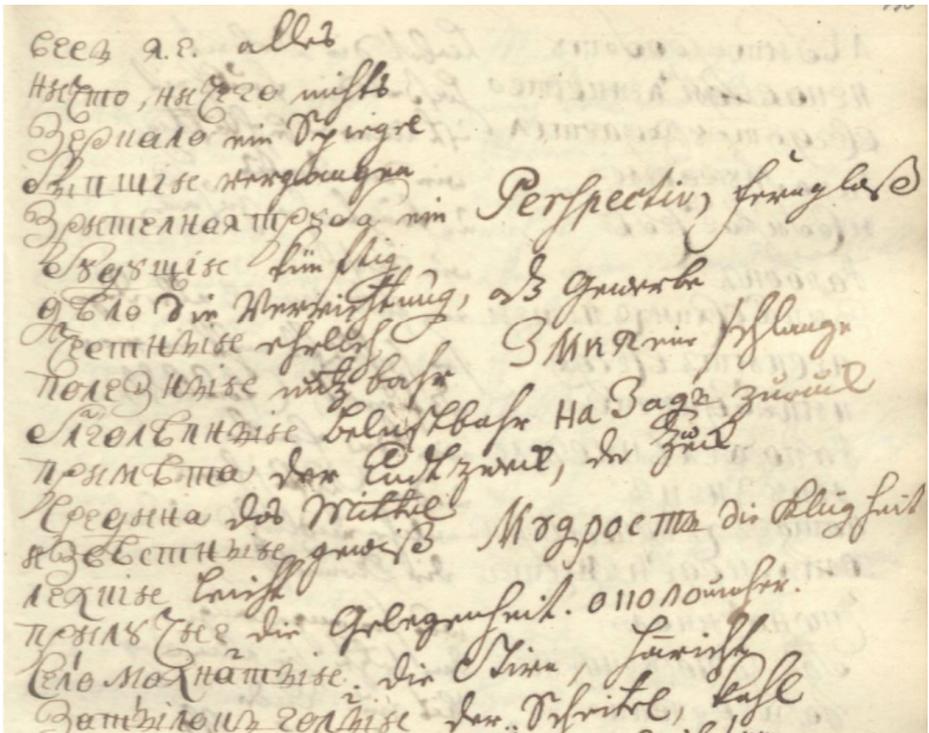
Писец А, в отличие от писца Б, умел правильно переводить для словарика русские глаголы в форму инфинитива, существительные ставить в именительный падеж, а для прилагательных указывать изменения окончаний по родам. При некоторых словах (например, оканчивающихся на -ьи, им поставлены парадигмы склонений «я, е»), иногда «ьи, я, е» показываются отдельно от какого бы то ни было слова как парадигмы словоизменения.

В некоторых случаях писец А пропускал слова. Так, на л. 125об., где написано *и в южную землю которая есть*, писец немецкого текста, следуя смыслу, завершил фразу: *...so noch unbekandt*, «которая есть неизвестная». Слово *неизвестная* помещено в тематическом словарике к этой теме, писец А там его воспроизвел, но утрату смысла не заметил. На л. 137 он написал: *быть неподвижной завязанными* и потерял тем самым смысл, который затем писец Б воспроизвел *mit verbundenen Augen*, «с завязанными глазами» (речь идет о «Правде-Юстиции»). При хорошем знании русского языка такие ошибки не остались бы незамеченными, хотя они могут также свидетельствовать о весьма небрежном отношении писца А к своей работе. Все вышесказанное свидетельствует о достаточно свободном владении писцом А русским языком. Но написанные им части текста на немецком в первой части

рукописи свидетельствуют о том, что он хорошо владел сложным немецким скорописным канцелярским письмом и не делал ошибок в немецком языке. Никто из славистов, занимавшихся языком Лейденской рукописи, даже не заподозрил участия в ее создании носителя русского языка. Отсюда правомерна гипотеза о том, что писец А был билинговом, возможно, «русским немцем», родившимся в Немецкой слободе.

Тематические словарики по главам в *Orbis Pictus*

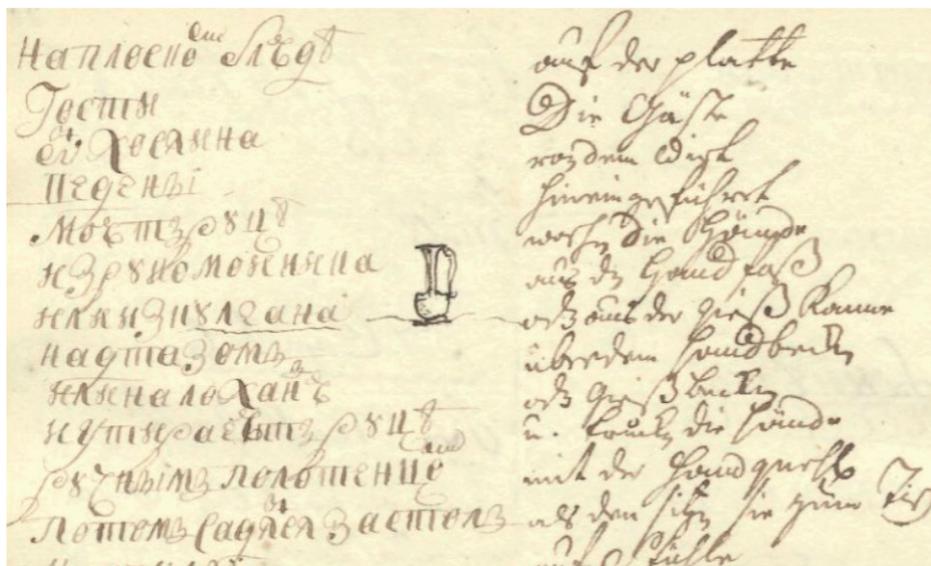
В печатных изданиях *Orbis Pictus* изображения разных предметов имели рядом цифру, по которой легко было найти слово в словарики, находившемся в третьей колонке. Рукописные списки на русском языке картинок не имели, поэтому словарики в главе должны были строиться иначе: в нем выписывались все слова из текста той или иной главы. Писец А, закончив писать текст главы, переходил к работе над словариком, не давая ему никакого заголовка (ил. 5). Составляя словарики, он выписывал слова прямо из текста, а вот для Алфавитного немецко-русского

Ил. 5. Лейденская рукопись, л. 130

словаря нужны были карточки (или отдельные листочки)¹³, иначе систематизировать словник было просто невозможно.

Свердруп Лунден увидела совпадение слов в словариках Лейденской рукописи с третьей (словарной) колонкой в издании *Orbis Pictus* 1723 г., хранящемся в Осло [Sverdrup Lunden 1975: 91–93]. Однако на этом основании делать вывод о том, что Лейденскую рукопись копировали именно с этого издания, все же затруднительно, поскольку в нем не имеется русских слов, а сам словарик обычно привязан к картинкам, которых в Лейденской рукописи нет. В целом же словарный состав не может не совпадать, так как одинаков изначальный текст глав, написанных Яном Амосом Коменским. Ближе к истине был Лиминг, писавший, что таких тематических словариков, как в Лейденской рукописи, нет ни в одном издании *Orbis Pictus* — это инновация [Leeming 1980: 274]. Отсутствие картинок ощущалось писцом А столь остро, что в одном случае он сам нарисовал упоминаемый в русском тексте *кулган* (кумган) — восточный кувшин с длинным носиком, употребляемый при мытье рук (ил. 6). Это тюркское слово давно укрепилось в русском языке, как и

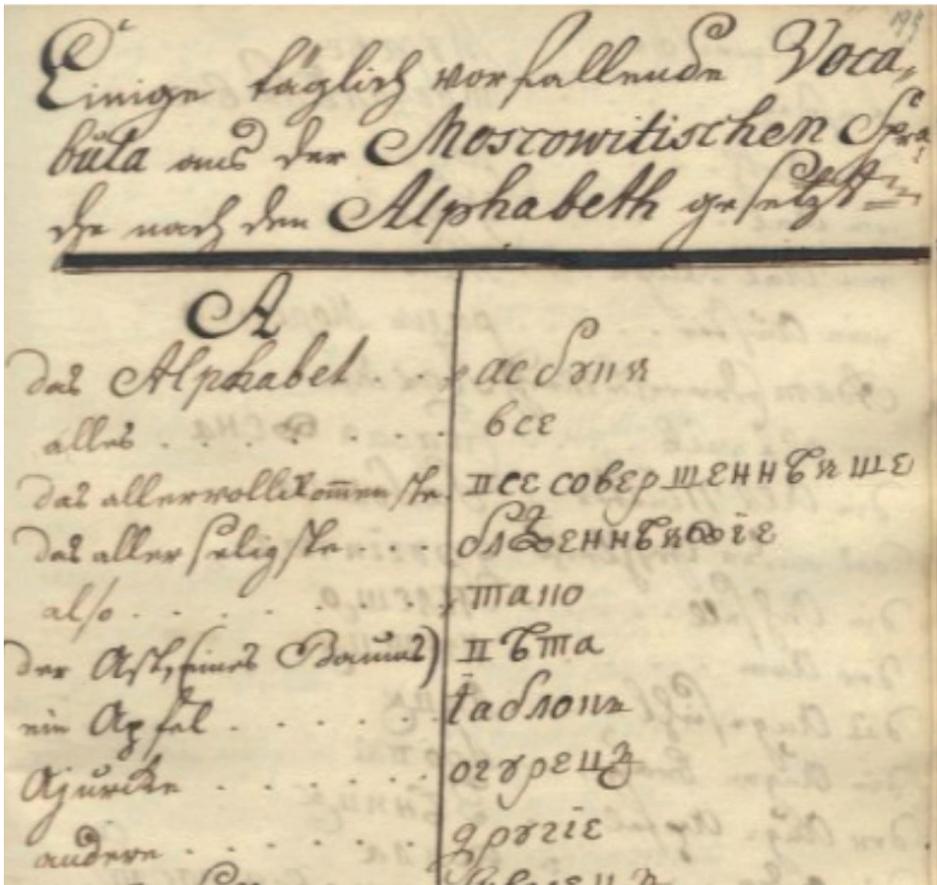
Ил. 6. Лейденская рукопись, л. 69 об.

¹³ Использование листочков бумаги с формализованными записями на них для систематизации большого количества материалов предложил в специальной работе 1548 г. швейцарский ученый Конрад Геснер (1515–1565). Такие записи легко группировались в нужном порядке [Krajewski 2011]. Ко времени работы над Лейденской рукописью эта практика стала уже обычной.

сам сосуд — в московском быту. У Яна Коменского ни такой картинки, ни слова *кумган* нет — речь идет об обычном рукомоинике (по-немецки *aus der Gieß Kanne*). Кумган изображен пером очень точно (л. 69об.) и наглядно демонстрирует, о чем идет речь, для тех, кому этот предмет не знаком (возможно, для писца Б).

Алфавитный немецко-русской словарь

Особой частью Лейденской рукописи является немецко-русский Алфавитный словарь, следующий за 150 главами *Orbis Pictus* (лл. 199–236об). Его название дано только на немецком языке, что указывает на основного адресата: это немецкоговорящий человек, желавший изучать русский язык. Словарь ориентирован на немецкий перечень слов, их 1527. В словнике полностью отсутствуют глаголы — даны

Ил. 7. Лейденская рукопись, л. 199

существительные и изредка прилагательные. Причина этому ясна — писец Б не справлялся с формами русских глаголов.

Немецкие слова написаны почерком четким, но скорописным, что могло создать трудности для тех, кто не знал немецкого языка. Русские же слова — это полуустав, в котором буквы пишутся отдельно (ил. 7), что удобно для чтения и запоминания слов на незнакомом языке. Это еще один аргумент в пользу того, что Лейденская рукопись делалась для обучения немцев русскому языку.

Следует повторить: словарь написан рукою писца Б, который также являлся его составителем. Для него он использовал тематические словарики к главам, в которых слова располагались не по алфавиту. К этой работе возможно было приступить, только закончив переписку *Orbis*, поскольку необходим был полный комплект тематических словариков.

Алгоритм заполнения Алфавитного словаря был иным по сравнению с тематическими словариками: сначала писались немецкие слова на определенную букву алфавита, потом к ним подписывались русские эквиваленты, поэтому немецкие и русские слова соединял пунктир. То, что один человек писал немецкое слово, а затем сразу давал русский перевод, показывают следующие примеры: в разделе буквы В писец по ошибке вписал слева *синьи*, а справа *Blau*, тут же зачеркнул и ниже написал, как положено (л. 202об.). Если бы работа была организована иначе, правильный вариант был бы вписан как-то по-другому: глоссой или между строк. Написав *eine Brücke*, писец Б и в русской части написал *eine*, спохватился, зачеркнул, написал *мостъ* (л. 205). А вот на л. 222об. так и оставлено перепутанное *пошлин — Geldstraffe*.

Выбор и группировка немецких слов, начинающихся на одну и ту же букву, из обширного и никак не систематизированного словарного резервуара *Orbis Pictus*, были трудоемкой задачей, невыполнимой без черновиков. Писец Б располагал слова по порядку немецкого алфавита. Иногда он давал русские слова в той форме, как они шли в тематических словариках. Например, русским переводом немецкого *artig* оказалось слово *ивежливый* (л. 201). Другой пример непонимания союза «и»: *и зрительная стеклы* в Алфавитном словаре написаны как *изрительные*, но это странное слово легко переведено — *ein Gesichtsglaß* (л. 220об.).

Так же как в тематических словариках, русские существительные часто давались в той форме, в которой они стояли в тексте *Orbis*: *Blut — руду*; *ein Buch — книгу* (л. 203), *ein Brieff — грамотку* (л. 205об.), *Graß — траву* (л. 218), *die Kreyde — мела* (л. 227об.) и др. Некоторые слова имеют ошибочное написание, и без немецкого перевода их трудно понять: *буболь* (буйвол) (л. 203), *трясосуска* (трясогузка) (л. 203),

кукака (кусака) (л. 205), *вквашня* (квашня) (л. 203об.), *селедена* (селезенка) (л. 232) и др.

Словарные эквиваленты в основном однозначны и однословны. Сложносоставные немецкие слова, имеющие более одного корня, а также географические или профессиональные названия, у которых не было односложного эквивалента, переводились описательно, часто несколькими словами: *Vöhmen* = *Бемская земля* (л. 206); *ein Comödiant* = *играющая персона* (л. 208). Иногда, наоборот, с немецкой стороны даны два слова, а с русской — одно. Например, *anderemehr* — *прочии* (л. 201об.). Немецкие слова в процессе этой работы иногда дополнялись пришедшими в голову составителя ассоциациям. Так, рядом с *eine Ameiße* пишется *ämßig*, и в русском также возникает «микросюжет», но уже без алфавитного соответствия: *муравей трудолюбивые* (л. 199об.), в тематическом словарики сказано иначе — *муравей труждается* (л. 130об.).

К Словарю иногда давались дополнительные разъяснения, отсутствовавшие в русском тексте — *Der Alcoran [türckisch Gesetz]* (л. 202), *der Boden [eines Gemachs]* (л. 204об.), *ein Band [von Bücher]* (л. 205об.), *ein Clausuren [an Bücher]* (объяснение к слову «застежка книжного переплета») (л. 207об.), *das Cloack [Prevet]* (объяснение к слову «заход», далее *prevet* — *нужник* (лл. 236об., 208), *Diane [eine Gottin der Jägerey]* (л. 210), *der Eyter [derer Kühe]* (л. 211об.), *das Futter [derer Thiere]* (л. 214), *eine Hechel [zu Flachs]* (л. 225). В первой части словаря таких пояснений достаточно много, далее их почти нет. В этом (как, впрочем, и в части *Orbis Pictus*) проявилась закономерная усталость писца от работы над рукописью и ослабление внимания. «Это явление — уменьшение тщательности копирования к концу рукописи — хорошо известно; оно наблюдается во многих рукописях, — отмечал А. А. Зализняк, — например, во многих акцентуированных рукописях знаки ударения к концу редуют или даже исчезают» [Зализняк 2008: 134]. Действительно, с 220-х листов рукописи некоторые черты ее оформления меняются в сторону упрощения, несколько изменяется и немецкий (но не русский!) почерк. Так, в заключении первых шести словарных разделов писец Б подсчитывал, сколько приведено слов на данную букву (А — 130, л. 202; В — 208, л. 207; С — 47, л. 208об.; D — 72, л. 210; E — 122, л. 213; F — 168 Stück, л. 217об.); с какой целью делался подсчет слов на каждую букву — для оценки проделанного труда или из любознательности? Однако на букве Н писец Б эти подсчеты прекратил и стал проводить разделительные линии между группами слов на определенную букву. С листа 224 писец Б перестал утруждать себя выписыванием артиклей перед каждым словом: теперь в начале страницы он ставил *ein*, или *eine*, или *die*, или *der*, или *das*, а далее шли только росчерки знака «то же». Он был

уверен в том, что его читатели разберутся, что с *Kater* надо *ein*, а с *Katz* — *eine*. Писец прерывал такой перечень там, где шло слово без артикля (например, *Lauge* — *целок*, л. 231). Затем снова ставил один артикль на несколько слов. Это еще одно подтверждение тому, что Алфавитный словарь составлялся для лиц, владевших немецким языком.

Алфавитный словарь не был завершен: он обрывается на букве «Р» *Pferdstal... конушня*. После этого с непонятной целью были выписаны из колонки другим пером и в ином порядке (русский — немецкий) два слова: *туфли... die Pantoffeln, брус... ein Pfoste*. Может быть, это случайность, а может быть — знак несчастья, вынудившего прервать работу, уже подходившую к финалу.

Между последним листом рукописи и нахзацем помещен листочек, подшитый позднее, со списком из нескольких русских слов: *доходов управлявший... уважение... обрадовано было... улики... щадятъ... в разсказах... туры... врознь... гуртом... подрито...* К каждому слову дано несколько эквивалентов, некоторые на латыни, другие на голландском и немецком. Это, вероятно, свидетельство попыток учить или использовать русский язык владельцами рукописи.

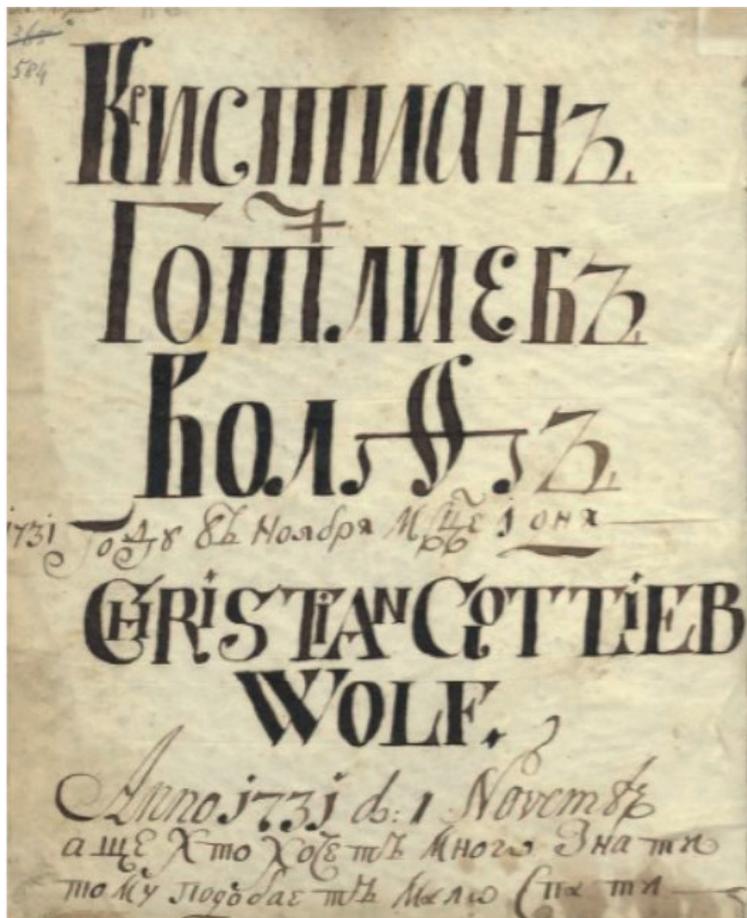
Теперь настало время снова вернуться к ее началу, которое представляет особый интерес.

Первая тетрадь: таинственный Вольф

Первые шесть листов рукописи представляют собой особый раздел, и именно на обороте последнего из них дан титул «СВѢТЪ ВИДИМЫИ звание» [т. е. «название». — В. Б., О. К., Е. Р.] заглавными буквами с примитивным орнаментом: таким образом он открывает следующий далее текст *Orbis Pictus* и напрямую с ним связан, хотя эти первые листы писались с использованием иной бумаги [Klueting 1978: XXII].

В каталоге Лейденской библиотеки рукопись обозначена как Chr. Gotl. Wolf. Russisch-Hochdeutsches Wörterbuch. Иначе говоря, она значится под именем некоего Христиана Готлиба Вольфа, поскольку на оборотном листе переплета проставлено это имя на русском и немецком и дата — 1731 год 10 ноября (в латинском варианте 1 ноября) (ил. 8).

Клютинг полагал, что рукопись была написана в течение 1730 г. и получена неким Вольфом в ноябре 1731 г., когда и была сделана запись. Возможно, этот Вольф 1 или 10 ноября начал учебу [Klueting 1978: XXII]. По-русски имя Вольфа написано крупным жирным шрифтом, так, как обычно пишут заглавия книг. Буква «р» в имени *Христиан* была пропущена и затем «втиснута» в надпись, «ъ» в конце слов тоже подписаны позднее. Ниже, но чуть мельче, это же имя дано по-немецки, здесь оно, возможно, содержало ошибку в имени *Gottlieb* — пропущена «l»: это было

Ил. 8. Титульный лист об.

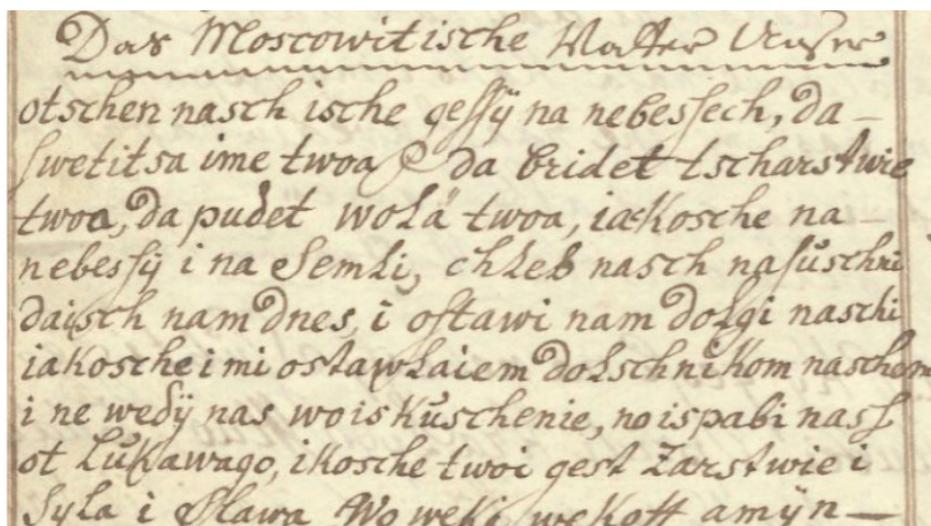
исправлено включением ее в лигатуру (с помощью треугольника ниже буквы «t»). Под записями имени помещены две надписи скорописью на русском и латинском — «1731 году в ноября месяце i дня» и «ANNO 1731 d I Novembr». Они сделаны той же рукой, что и имя Вольфа, хотя и с использованием других чернил и другого стиля письма — в латинской фразе дата 1731 орнаментирована такими же черными кружочками, как и в имени *Волфъ*, также совпадают и точки над цифрой и буквой «i». Обе надписи сделаны почерком писца Б, как и завершающая лист сентенция по нижнему полю: «Аще хто хочет много знати, тому подобает мало спати».

На лл. 3–3об. помещен русский алфавит в том виде, как он давался в прописях: к каждой букве подписано ее название («аз», «буки», «веди»

и т. д.) и дано множество вариантов скорописного написания. Эти прописи также руки писца Б. В финале текста *Orbis Pictus* им же написано ПРОСТИ (вместо «прощай» в отличие от немецкого варианта «будь здоров» / *gehab dich wohl adjeu*) тем же крупным почерком, что и запись с именем Вольфа (л. 189об.–190). Таким образом, писец Б работал во всех трех частях Лейденской рукописи.

Обратимся к содержанию первых 6 страниц. Начинаются они молитвой *Отче наш* на венгерском и немецком языках, затем — написанной крупным шрифтом на валашском языке. Заголовок *Das Wallsachische Water Unser* написан почерком писца Б, он подчеркнут волнистой линией, такой же, как разделительные линии в Алфавитном словаре. Далее эта молитва повторена десять раз с написанными мельче, но тем же почерком заголовками на немецком, венгерском, «трансильванском» (*Siebenburgische Teutsche*), валашском, хорватском, далматском, славонском, сербском, московитском и шведском языках (все — латиницей). «Московитский» текст является каноническим текстом молитвы *Отче наш* на церковнославянском, написан с характерными ошибками смешения «п» и «б»: «[...] *da pudet wola twoa*», «*no ispabi nař ot Lukawago*, «*bridet tscharstwie twoa*» (л. 2об.) (ил. 9).

На основе записи этих молитв исследователи пытались определить национальность писавшего. Свердруп Лунден аргументировала свою гипотезу о том, что текст переведен Паусом, наличием шведской молитвы: он какое-то время провел в Швеции, мог знать шведский язык, но писать с ошибками [Sverdrup Lunden 1980: 93]. Ван ден Баар считал,

Ил. 9. Лейденская рукопись, л. 2об.

что автор из Трансильвании, поскольку этот текст написан на разговорном диалекте, а остальные — на литературных языках [van den Baar 1968: 15], Клютинг полагал, что автор — лютеранин из Швабии. Однако все эти догадки ошибочны: молитвы не были самостоятельными записями составителя Лейденской рукописи. Они скопированы из книги «*Oratio dominica in diversas omnium fere gentium linguas versa et propriis cujusque linguae characteribus expressa: una cum dissertationibus nonnullis de linguarum origine*» Joanne Chamberlaynio (John Chamberlayne), вышедшей в 1715 г. в Амстердаме. Книга относится к области сравнительного языкознания, автор сопоставляет в ней молитву *Отче наш* на всех языках мира. Нет ни малейших сомнений в том, что тексты переписаны в нашу рукопись оттуда со страниц 47, 70, 76, 77, 79, 80, 85, 88. Но их заголовки даны самостоятельно по-немецки, а копирование произведено с изрядным количеством ошибок. Так, в тексте *Отче наш* на шведском языке автор написал отдельно приставку *till-* (как предлог *till*), которая является частью глагола *tillkomme* (*да приидет*), в предлоге *ifrån* (*от*) вместо «п» он поместил «т» и т. п. Сами слова *Отче наш* писались обычно *Fadervår* (или *wår*), но *Vaderwoor* позволяет предположить, что запись сделана носителем немецкого языка.

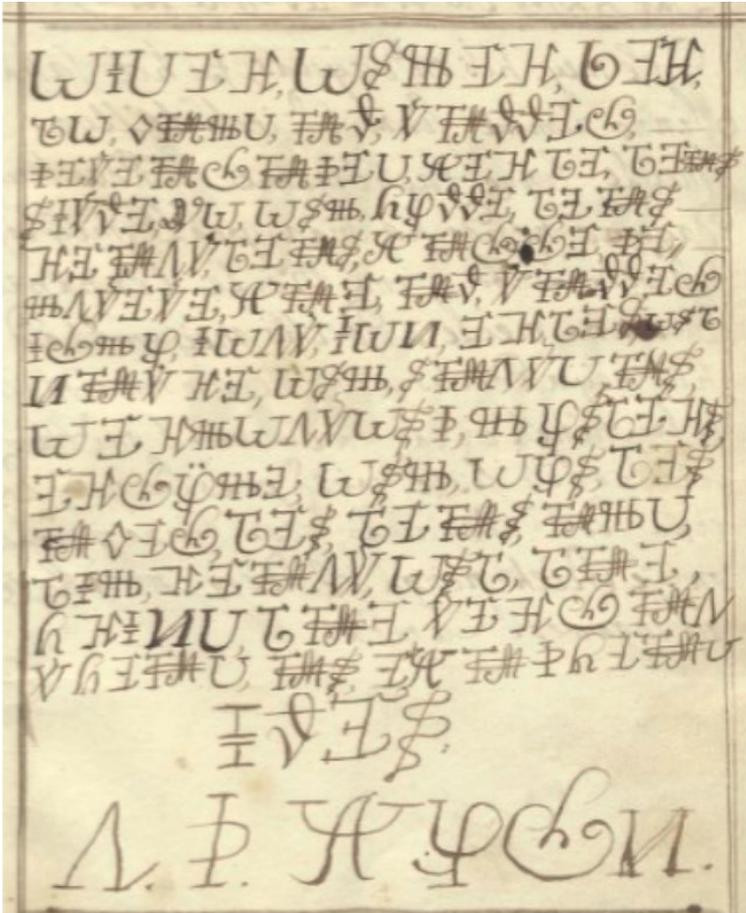
Далее следуют искусственные алфавиты — «египетский», «тартарский» и «индейский». На «тартарском» снова помещена молитва *Отче наш*, выделенная крупным шрифтом. Она не переписана из *Oratio dominica*, а представляет собой зашифрованный текст. Шифр прост: «тартарские» буквы заменяются латинскими, подписанными над каждой буквой выдуманного алфавита, однако U и V обозначены здесь одним знаком — W. Расшифровка с правильным употреблением этих букв дает текст молитвы *Отче наш* на верхненемецком языке:

Vater unser der du bist im himmel. Geheiliget werde dein nahme zu uns komme dein Reich. Dein wille geschese wie im himmel, also auch auf erden, und fihre uns nicht in Versuchung sondern erlöse uns von den ibel den dein ist das reich und die kraft die herlichkeit in ewigkeit. Amen.

Под этим стоит «тартарская» подпись, которая столь же легко расшифровывается: C. G. Wolf (л. 5) (ил. 10).

Таким образом, первая тетрадь рукописи начинается именем Вольфа и заканчивается им же. Видимо, эту подпись следует понимать не только как завершение «псевдотартарского» текста, но и как заключение всей этой «лингвистической композиции». Однако за ее пределами в качестве финального *Отче наш* помещен текст на эстонском языке, который также взят из *Oratio dominica*.

На зашифрованную подпись Вольфа, которую не заметил Клютинг, обратил внимание Г. Лиминг, утверждавший, что Вольф не просто

Ил. 10. Лейденская рукопись, л. 5

владелец, но также составитель и автор первых 6 листов рукописи [Leeming 1980: 274]. Действительно, то, как открывается рукопись его именем на весь лист, заглавными буквами на двух языках, совсем не похоже на владельческие записи: обычно владельцы ведут себя скромнее и ставят свое имя на нижнем поле. Такая форма записи, как здесь, скорее свойственна авторам Нового времени, с гордостью запечатлевающим свое имя.

Таким образом, если на первых 6 листах многое, если не все, написано рукою писца Б и подборку текстов сделал Христиан Готлиб Вольф, то не был ли это один и тот же человек?

Его родной язык явно был немецкий, об этом говорят многие особенности текста (заголовки на немецком, характерные для немца ошибки в

русском тексте, зашифрованная молитва — на немецком языке, единственная, написанная безошибочно). Однако он же неплохо владел русским языком. Этот человек был увлечен лингвистикой, читал такие специальные книги, как *Oratio dominica*. Может быть, записывая молитву *Отче наш* на разных языках, он думал о миссионерстве. Он также имел русские прописи, с которых копировал алфавит; отсюда писец Б, вероятно, заимствовал сентенцию *Аще хто хочет много знати, тому подобает мало спати*. У него было под рукой какое-то печатное издание Яна Коменского и русский рукописный список *Orbis Pictus*. Наш герой имел какое-то близкое к своим интересам окружение, во всяком случае, по рукописи мы видим его помощника или соратника, а может быть и сына в писце А, который владел свободно и русским и немецким языком. Экзотические алфавиты и зашифрованный немецкий текст *Отче наш* писались, возможно, как демонстрация эрудиции. Ван ден Баар полагал, что они составлялись как основа для тайнописи [Van den Baar 1968: 15].

Итак, в появлении на свет Лейденской рукописи видны два возможных сценария. Первый — некий увлеченный изучением языков немец Вольф, неплохо знавший русский язык, имевший у себя русские тексты, решил заняться составлением пособия по изучению русского языка для немцев, и в 1731 г. он осуществил это намерение вместе с помощником. Второй — неизвестный нам немец по заказу некоего Вольфа, интересовавшегося лингвистикой, составил вместе с помощником Лейденскую рукопись в течение 1730 г. и поднес ее ему в ноябре 1731 г. В писце Б хотелось бы увидеть Пауса. Однако сравнение почерков не говорит в его пользу.

Клютингу удалось найти человека, носившего имя Христиан Готлиб Вольф. Так звали доктора юридических наук, специалиста по Священному Писанию и церковному праву (его сочинения по этим дисциплинам выходили в 1720–40-е гг.). Он работал адвокатом в городе Герлиц области Оберлаузиц (она же Верхняя Лужица) и умер в 1757 г. [Klueting 1978: XXXV]. Однако ничто не говорит о том, что он интересовался языками, знал русский или намеревался его учить. Никто из исследователей не принял эту гипотезу, она остается весьма сомнительной.

Возможно предположить, что Лейденская рукопись представляет собой *учительский «образец»*, т. е. составлявшийся частными учителями учебный материал, который они демонстрировали, дабы показать, чему и как они могут учить. В 1730 г. наступило чрезвычайно благоприятное время для службы в России: к власти пришла императрица Анна Иоанновна, окружившая себя немцами. Так, директор основанного в 1731 г. Сухопутного кадетского корпуса гр. Миних набирал в него преподавателей исключительно из немцев [Федюкин 2020: 278–

288]. Может быть, этим и хотел воспользоваться некий Вольф, решив усовершенствовать свои знания русского языка и найти себе службу в Российской империи или же заняться преподаванием языков, к которым имел склонность. Единственная помета на полях рукописи — это написанное карандашом слово «скола», повторяющее начертание букв заголовка, но не имеющее правильного «ш» (л. 109об.). Возможно, эта помета ничего не значит, а может быть, и указывает на что-то...

Послесловие: *Orbis Pictus* как трансформер

Обычно учебные тексты распространяются в пределах одной страны. Однако в истории образования известны учебники, судьбы которых вписаны в широкий географический и временной контекст. *Orbis Sensualium Pictus*, безусловно, из их числа. Уже в первые полвека своего существования (1653–1703) он превратился в «международный проект»: был переведен на 14 языков (1653 — латынь, 1658 — немецкий, 1659 — английский, 1662 — французский, 1662 — итальянский, 1667 — польский, 1669 — венгерский, 1672 — датский, 1673 — голландский, 1675 — трансильванский, 1680 — шведский, 1682 — литовский, 1685 — немецкий (Zipserdeutsch), 1685 — словацкий, 1703 — русский) [Pilz 1967: 54–55]; стал применяться не только для домашнего обучения (как предполагал Ян Коменский), но и в школьных практиках; позднее он обрел незапланированное автором функциональное разнообразие [Bezrogov 2017b: 114] и многочисленные рецепции¹⁴.

По замыслу педагога, включенный в пособие родной язык ученика должен был послужить для ребенка проводником от национального дома к общеевропейской латинской школе. Но со временем усложнившиеся образовательные практики породили новые векторы движения: в регионе с венгерским или датским родным языком полиязычные версии *Orbis* помогали выучить язык соседей или титульной нации — в этом случае латынь становилась посредником между различными языками.

Русские рукописные переводы *Orbis Pictus* демонстрируют, что путь мог быть еще сложнее: выполненное здесь разделение дидактических функций между латино-немецким печатным изданием и его рукописным переводом позволяло ученикам московских школ освоить

¹⁴ См., например: Зрелище вселенная: на латинском российском и немецком языках, изданное для народных училищ Российской империи по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Второя. В Санктпетербурге, 1788; Des Johann Amos Comenius Orbis Pictus auf Veranlassung der ursprünglichen Verlagshandlung von mehreren Jugendfreunden neu bearbeitet und herausgegeben von Adelbert Müller. Nürnberg, 1835; Die Welt in Bildern. Orbis pictus. Bilderbuch zur Anschauung und Belehrung. Bearbeitet von Dr. Lauckhard / C. F. Lauckhard. Leipzig, 1872; Goldschmidt's Bildertafeln für den Unterricht im Französischen / T. Goldschmidt. Leipzig, 1917, etc.

европейские языки; а перемещение списков за пределы России неожиданным образом превратило их в пособие для освоения русского языка иноземцами. Гениальная учебная форма, придуманная Коменским, оказалась действенной в любых условиях — как восточный кумган в быту европейца, как свет, видимый отовсюду.

Библиография

Источники

Рукописи

Ms.LTK 584

Leiden University Library. Maatschappij Nederlandse Letterkunde (KL) MS LTK 584 Ch.G. Wolf, Russisch-hochdeutsches Wörterbuch, in der Form einer durchgängige Rede [etc.]. Geschreven, c.1731 (цифровая копия <http://hdl.handle.net/1887.1/item:2223648>).

IX.E. 41.

Библиотека Национального музея Праги. Шифр.IX.E. 41. Рукопись перевода на русский язык Orbis Pictus Яна Амоса Коменского.

БАН 26.3.50

Библиотека Академии наук. Шифр БАН 26.3.50. Рукопись перевода на русский язык Orbis Pictus Яна Амоса Коменского.

БАН 1.2.1

Библиотека Академии наук. Шифр БАН 1.2.1. Рукопись перевода на русский язык Orbis Pictus Яна Амоса Коменского под заглавием «Круг вся вселенныя в лицах».

Институт восточных рукописей РАН. Оп. 4. Д. 11

Институт восточных рукописей Российской академии наук. Шифр Оп. 4. Д. 11. Рукопись перевода на русский язык Orbis Pictus Яна Амоса Коменского с параллельным японским текстом.

Институт восточных рукописей РАН. Оп. 4. Д. 6

Институт восточных рукописей Российской академии наук. Шифр Оп. 4. Д. 6. Рукопись перевода на русский язык Orbis Pictus Яна Амоса Коменского с параллельным японским текстом.

Издания

Коменский 1941

Коменский Я. А., Мир чувственных вещей в картинках, *Idem*, Ю. Н. Дрейзин, пер. с лат., А. А. Красновский, ред., *Избр. пед. соч.*, 3, Москва, 1941.

Klueting 1978

Klueting H., hrsg., *Das Leidener russisch-deutsche Gesprächswörterbuch von ca. 1730* (“*Christian Gottlieb Wolf-Lexikon*”). Bibliotheca Academiae Lugduno Batavae Msc. LTK 584, Amsterdam, 1978.

Oratio dominica 1715

Oratio dominica in diversas omnium fere gentium linguas versa: et propriis cujusque linguae characteribus expressa, Joanne Chamberlaynio, ed., *Una cum Dissertationibus nonnullis de Linguarum Origine, variisque ipsarum permutationibus*, Amstelædami, 1715.

Исследования

Безрогов 2017а

Безрогов В. Г., К вопросу о ранних переводах *Orbis sensualium pictus* Я. А. Коменского на русский язык, *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Серия IV: Педагогика. Психология, 45, 2017, 11–30.

——— 2017б

Безрогов В. Г., Торжество разноречия: *Orbis sensualium pictus* в контексте первых переизданий (1653–1703), Марчукова С. М., ред., *Наследие Яна Амоса Коменского: взгляд из XXI века: Мат. междунар. научно-практич. конф.*, С.-Петербург, 2017, 105–117.

——— 2018

Безрогов В. Г., Die un/sichtbare Welt: рецепция *Orbis sensualium pictus* Я. А. Коменского в России 1-й пол. XVIII в.: образовательные практики и ранние переводы, *Детские чтения*, 1(13), 2018, 220–284.

Белоконь 1988

Белоконь Е. А., *Развитие русского письма в конце XVIII — первой четверти XIX в.* Автореф. на соискание ст. канд. ист. наук, Москва, 1988.

Белокуров 1907

Белокуров С. А., *О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. (1701–1715 гг.): Документы моск. арх., собр. С. А. Белокуровым и А. Н. Зерцаловым*, Москва, 1907.

Брагоне 2018

Брагоне М. К., Размышления иностранных ученых-переводчиков о церковнославянском и русском языках в начале XVIII в. На примере перевода сочинения И. Г. Сейбольда *Selectioa Quaedam Colloquia Latino-Germanica* Иоганном Вернером Паусом, *Seminar für Slavistik beim XVI. Internationalen Slavistenkongress*, Belgrad, 2018 (www.slavistik.uni-halle.de/16.slavistenkongress/mks18themblockmengel/mks18bragone/).

Живов 1996

Живов В. М., Начало нормализации нового литературного языка. Формирование лингвистических теорий и литературная практика, *Идет, Язык и культура в России XVIII в.*, Москва, 1996, 155–264.

Зализняк 2008

Зализняк А. А., «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста, Москва, 2008.

Зарецкий 2020

Зарецкий Ю. П., Первая русская зарубежная типография: голландские книги для подданных Петра I, *Неприкосновенный запас*, № 133 (5/2020), 257–270.

Ковригина 1998

Ковригина В. А., *Немецкая слобода Москвы и ее жители конца XVII — первой четверти XVIII вв.*, Москва, 1998.

Лукьяненко 1981

Лукьяненко В. И., Букварь Кариона Истомина — произведение графики конца XVII века, *Букварь: Отпечатан в 1694 г. в Москве, сост. Карионом Истоминым*, Ленинград, 1981, 3–8.

Мошкова 2014

Мошкова Л. В., Палеографический анализ автографов М. В. Ломоносова: итоги и перспективы, Гладков А. К., отв. ред., «Знатный украшением Отечеству послуживший...» *Творчество М. В. Ломоносова и культура России Нового времени*, Москва, 2014, 455–468.

Перетц 1902

Перетц В. Н., *Историко-литературные исследования и материалы*, 3: *Из истории развития русской поэзии XVIII в.*, С.-Петербург, 1902.

Починская 2011

Починская И. В., Московская типография в первой половине XVIII в.: адаптивные процессы в официальном книгопечатании, *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки*, 1(87), 2011, 204–213.

Серов 2008

Серов Д. О., *Администрация Петра I*, Москва, 2008.

Словарь 1989

Словарь русского языка XVIII в., 5, Москва, 1989.

Федюкин 2020

Федюкин И. И., *Прожектеры. Политика школьных реформ в России в первой половине XVIII в.*, Москва, 2020.

Чума 1970

Чума А. А., *Ян Амос Коменский и русская школа (до 70 годов 18 века)*, Bratislava, 1970.

Ян Амос Коменский 1995

Глазкова Н. Л., сост., *Ян Амос Коменский, Указатель русских переводов и критической литературы на русском языке (1772–1992)*, Москва, 1995.

Яцимирский 1921

Яцимирский А. И., Описание южнославянских и русских рукописей заграничных библиотек, Том I. Вена. Берлин. Дрезден. Лейпциг. Мюнхен. Прага. Любляна, *Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук*, 9, С.-Петербург, 1921, 850–855.

Bezrogov 2017

Bezrogov V. G., "Homo veste indutus duplici", or Homogeneity in a Heterogeneous Context: Orbis sensualium pictus (1653–1703), Aamotsbakken B., Matthes E., Schütze S., hrsg., eds., *Heterogenität und Bildungsmedien [Heterogeneity and Educational Media]*, Bad Heilbrunn, 2017, 113–120.

Birgegård 1971

Birgegård U., *J. G. Sparwenfeld och hans lexikografiska arbeten*, Akademisk avhandling, Uppsala universitet, 1971.

Glück 1994

Glück J. E., *Grammatik der russischen Sprache (1704)*, von H. Keipert, B. Uspenskij, V. Živov, hrsg., Köln, Weimar, Wien, 1994.

Glück, Polanska 2005

Glück H., Polanska I., *Johann Ernst Glück (1654–1705). Pastor, Philologe, Volksaufklärer im Baltikum und in Russland*, Wiesbaden, 2005.

Günther 1964

Günther E., *Zwei russische Gesprächsbücher aus dem 17. Jh.*, Dissertation, Berlin, 1964.

——— 1981

Günther E., Das Leidener russisch-deutsche Gesprächswörterbuch, *Zeitschrift für Slawistik*, 26, 1981, 602–604.

——— 1984

Günther E., Zu den russischen Übersetzungen des "Orbis sensualium Pictus" von J. A. Comenius, *Zeitschrift für Slawistik*, Bd. 29, 1984, 42–51.

Junson 1975

Junson V., К истории учебников и словарей, *Slavica Lundensia*, 3: *Kring den svenska slavistikens äldsta historia*. Lund, 1975, 87–112.

Krajewski 2011

Krajewski M., *Paper Machines: About Cards and Catalogs. 1548–1929*, Cambridge, 2011.

Leeming 1980

Leeming H., Review Das Leidener russisch-deutsche Gesprächswörterbuch von ca. 1730: ("Christian Gottlieb Wolf-Lexikon" Bibliotheca Academiae Lugduno-Batavae Msc. LTK 584) by Harm Klüeting. Amsterdam, 1978.) *The Slavonic and East European Review*, April 2, 1980, 272–274.

Pilz 1967

Pilz K., *Johann Amos Comenius*. Die Ausgaben des *Orbis sensualium pictus*, *Johann Amos Comenius*, Eine Bibliographie, Nürnberg, 1967.

Sjöberg 1966

Sjöberg A., Two unknown translations of Meletij Smotrickij's Slavonic Grammar, *Scando-Slavica*, 12, 1966, 125–128.

Sverdrup Lunden 1975

Sverdrup Lunden S. J. A., Comenius and Russian Lexicography, *Russian Linguistics*, 2, 1975, 47–49.

— 1980

Sverdrup Lunden S., Das Leidener russisch-deutsche Gesprächswörterbuch von ca. 1730 ("Christian Gottlieb Wolf-Lexikon"). Review, *Russian Linguistics*, 5, 1, 1980, 90–93.

Van den Baar 1968

Van den Baar T., Christian Wolf Russian-German Manuscript Lexicon. *Dutch contributions to the Sixth International Congress of Slavists*, Prague, 1968, 12–32.

Winter 1953

Winter E., *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert*, Berlin, 1953.

References

Bezrogov V. G., Early Unpublished Russian Translation of *Orbis Sensualium Pictus* by Jan Amos Comenius, *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serii IV: Pedagogika. Psikhologija*, 45, 2017, 11–30.

Bezrogov V. G., Die un/sichtbare Welt: retseptsiia *Orbis sensualium pictus* Ia. A. Komenskogo v Rossii 1-i pol. XVIII v.: obrazovatel'nye praktiki i rannye perevody, *Detskie chteniia*, 1(13), 2018, 220–284.

Bezrogov V. G., "Homo veste indutus duplici", or Homogeneity in a Heterogeneous Context: *Orbis sensualium pictus* (1653–1703), Aamotsbakken B., Matthes E., Schütze S., eds., *Heterogenität und Bildungsmedien* [Heterogeneity and Educational Media], Bad Heilbrunn, 2017, 113–120.

Bezrogov V. G., Torzhestvo raznorechiia: *Orbis sensualium pictus* v kontekste pervykh pereizdaniia (1653–1703), Marchukova S. M., ed., *Nasledie Iana Amosa Komenskogo: vzgliad iz XXI veka: Mat. mezhdunar. nauchno-praktich. konf.*, St. Peterburg, 2017, 105–117.

Birgegård U., J. G. Sparwenfeld och hans lexikografiska arbeten, Akademisk avhandling, Uppsala universitet, 1971.

Bragone M. C., Razmyshleniia inostrannykh uchenykh-perevodchikov o tserkovnoslavianskom i russkom iazykakh v nachale XVIII v. Na primere perevoda sochineniia I. G. Seibol'da *Selectiora Quaedam Colloquia Latino-Germanica Iogannom Verne-*

rom Pausom, *Seminar für Slavistik beim XVI. Internationalen Slavistenkongress*, Belgrad, 2018.

Chuma A. A., *Ian Amos Komenskii i russkaia shkola (do 70 godov 18 veka)*, Bratislava, 1970.

Comenius J. A., *The Visible World in Pictures*, *Idem*, Iu. N. Dreizin, trans., Krasnovskii A. A., ed., *Izbr. ped. soch.*, 3, Moscow, 1941.

Fediukin I. I., *Prozhektery. Politika shkol'nykh reform v Rossii v pervoi polovine XVIII v.*, Moscow, 2020.

Glück J. E., *Grammatik der russischen Sprache (1704)*, von H. Keipert, B. Uspenskij, V. Živov, hrsg., Köln, Weimar, Wien, 1994.

Glück H., Polanska I., *Johann Ernst Glück (1654–1705). Pastor, Philologe, Volksaufklärer im Baltikum und in Russland*, Wiesbaden, 2005.

Günther E., Das Leidener russisch-deutsche Gesprächswörterbuch, *Zeitschrift für Slawistik*, 26, 1981, 602–604.

Günther E., Zu den russischen Übersetzungen des "Orbis sensualium Pictus" von J. A. Comenius, *Zeitschrift für Slawistik*, Bd. 29, 1984, 42–51.

Günther E., *Zwei russische Gesprächsbücher aus dem 17. Jh.*, Dissertation, Berlin, 1964.

Junson B., K istorii uchebnikov i slovarei, *Slavica Lundsensia*, 3: *Kring den svenska slavistikens äldsta historia*. Lund, 1975, 87–112.

Klüeting H., ed., *Das Leidener russisch-deutsche Gesprächswörterbuch von ca. 1730 ("Christian Gott-*

lieb Wolf-Lexikon"). Bibliotheca Academiae Lugduno Batavae Msc. LTK 584, Amsterdam, 1978.

Kovrigina V. A., *Nemetskaia sloboda Moskvy i ee zhitel'ni kontsa XVII – pervoi chetverti XVIII vv.*, Moscow, 1998.

Krajewski M., *Paper Machines: About Cards and Catalogs. 1548–1929*, Cambridge, 2011.

Leeming H., Review Das Leidener russisch-deutsche Gesprächswörterbuch von ca. 1730: ("Christian Gottlieb Wolf-Lexikon" Bibliotheca Academiae Lugduno-Batavae Msc. LTK 584) by Harm Klueting. Amsterdam, 1978.) *The Slavonic and East European Review*, April 2, 1980, 272–274.

Lukyanenko V. I., Bukvar' Kariona Istomina — proizvedenie grafiki kontsa XVII veka, *Bukvar' Kariona Istomina : Otpechatan v 1694 g. v Moskve*, Leningrad, 1981, 3–8.

Moshkova L. V., Paleograficheski analiz avto-grafov M. V. Lomonosova: itogi i perspektivy, Gladkov A. K., ed., «Znatnyi ukrasheniem Otechestvu posluzhivshii...» *Tvorchestvo M. V. Lomonosova i kul'tura Rossii Novogo vremeni*, Moscow, 2014, 455–468.

Pilz K., *Johann Amos Comenius*. Die Ausgaben des Orbis sensualium pictus, *Johann Amos Comenius*, Eine Bibliographie, Nürnberg, 1967.

Pochinskaya I. V., Moskovskaia tipografii v pervoi polovine XVIII v.: adaptivnye protsessy v ofitsial'nom

knigopechatanii, *Izvestia of the Ural federal university. Series 2. Humanities and Arts*, 1(87), 2011, 204–213.

Serov D. O., *Administratsiia Petra I*, Moscow, 2008.

Sjöberg A., Two unknown translations of Meletij Smotrickij's Slavonic Grammar, *Scando-Slavica*, 12, 1966, 125–128.

Sverdrup Lunden S. J. A., Comenius and Russian Lexicography, *Russian Linguistics*, 2, 1975, 47–49.

Sverdrup Lunden S., Das Leidener russisch-deutsche Gesprächswörterbuch von ca.1730 ("Christian Gottlieb Wolf-Lexikon"). Review, *Russian Linguistics*, 5, 1, 1980, 90–93.

Van den Baar T., Christian Wolf Russian-German Manuscript Lexicon. *Dutch contributions to the Sixth International Congress of Slavists*, Prague, 1968, 12–32.

Winter E., *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandskunde im 18. Jahrhundert*, Berlin, 1953.

Zaliznyak A. A., «Slovo o polku Igoreve»: vzgliad lingvиста, Moscow, 2008.

Zaretskiy Yu. P., Pervaia russkaia zarubezhnaia tipografiia: gollandskie knigi dlia poddannyykh Petra I, *Neprikosnovennyi zapas*, № 133 (5/2020), 257–270.

Zhivov V. M., Nachalo normalizatsii novogo literaturnogo iazyka. Formirovanie lingvisticheskikh teorii i literaturnaia praktika, Idem, *Iazyk i kul'tura v Rossii XVIII v.*, Moscow, 1996, 155–264.

† Виталий Григорьевич Безрогов, член-корреспондент Российской академии образования,
доктор педагогических наук,
Институт стратегии развития образования РАО
101000, Москва, ул. Жуковского, 16
Россия / Russia
info@instrao.ru

Ольга Евгеньевна Кошелева, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский просп., 32А
Россия / Russia
okosheleva@mail.ru

Екатерина Юрьевна Ромашина, доктор педагогических наук,
профессор кафедры педагогики
Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого
300026, Тула, просп. Ленина, 125
Россия / Russia
katerinro@yandex.ru

Received August 29, 2020